

ЭРОС И ПСИХЕЯ

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ИДОЛ

КЭТИ

НОВАЯ ПОТРАСАЮЩАЯ ГЛАВА В ЦИКЛЕ БЕСТСЕЛЛЕРОВ «ТЕМНЫЙ ОЛИМП»

РОБЕРТ

Темный Олимп

Кэти Роберт

Электрический идол

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

Роберт К.

Электрический идол / К. Роберт — «Издательство АСТ»,
2022 — (Темный Олимп)

ISBN 978-5-17-148989-2

Он был самым красивым мужчиной в Олимпе... И самым беспощадным. В ультрасовременном городе Олимпе за все приходится платить. Психея знала, что рано или поздно ей предстоит столкнуться с яростью Афродиты, но никак не ожидала, что на карту окажется поставлено ее сердце... Как не ожидала и того, что приказ нанести ей смертельный удар будет отдан великолепному сыну Афродиты. Эросу легко дается проливать чужую кровь. Воспитанный, чтобы стать оружием своей матери, он привык считать себя монстром, а не человеком. Но когда приходит время уничтожить последнюю цель, он оказывается не в силах это сделать. Сбитый с толку реакцией, которую пробуждает в нем Психея, он прибегает к единственному пришедшему на ум способу ее уберечь: привязывает ее к себе и душой, и телом. Психея не ожидала, что окажется замужем за самым опасным убийцей в городе, но что-то в Эросе пробуждает в ней огонь, который она не ощущала никогда прежде. Когда границы стираются, а объекты привязанности меняются, она понимает, что Эрос все же может завладеть ее сердцем... и не уверена, что сумеет пережить эту утрату.

УДК 821.111-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-148989-2

© Роберт К., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кэти Роберт Электрический идол

Katee Robert
ELECTRIC IDOL: Dark Olympus book 2

Печатается с разрешения
Taryn Fagerness Agency и Synopsis Literary Agency

Русификация обложки Александра Шпакова
Схема Елены Лазаревой

© 2022 by Katee Robert
Cover design by Stephanie Gafron
Cover image © PANDECH/Shutterstock, plampy, DmitrySt, Vania Zhukevych, Jurik Peter
© Лялина Ольга, карта
© Мчедлова Валерия, перевод на русский язык, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Посвящается Джени.
Рада делить с тобой один аккаунт!*

Глава 1 Психея

Очередная ночь, очередная вечеринка, на которой мне отчаянно не хочется присутствовать.

Стараясь не сжимать так сильно бокал с тошнотворно сладким напитком, я хожу по периметру комнаты. Так у меня меньше шансов попасться матери на глаза. Казалось бы, события последних нескольких месяцев должны были убавить ее амбиции, но Деметра полна энтузиазма. Она благополучно выдала замуж одну из дочерей (да, мама считает брак Персефоны с Аидом своей заслугой), а теперь переключила все внимание на меня.

Я скорее отгрызу себе руку, чем выйду замуж за кого-то из присутствующих. Все они тесно связаны с одним из Тринадцати, правящих Олимпом: Зевсом, Посейдоном, Деметрой, Афиной, Аресом, Гефестом, Дионисом, Гермес, Артемидой, Аполлоном и Афродитой. Здесь не хватает только двоих: Аида и Геры. Аида нет, потому что его титул передается по наследству, и даже Зевс не может приказать ему присутствовать. А Геры – потому что правящий Зевс не женат, а значит, ее место остается вакантным.

Впрочем, ненадолго.

Комната, несмотря на внушительные размеры, вызывает странное чувство клаустрофобии. Даже огромные окна, выходящие на Олимп, не могут смягчить жар, исходящий от всех этих тел. Мне хочется выйти наружу, чтобы немного померзнуть и глотнуть свежего воздуха, но тогда я окажусь в ловушке, если кто-то решит завести со мной светскую беседу. Находясь в зале, я хотя бы могу постоянно двигаться.

Официально сегодняшний вечер не является брачной ярмаркой, чего не скажешь, глядя, как Афродита подводит одну претендентку за другой к новому Зевсу, который развалился на троне, раньше принадлежавшем его отцу. Трон большой, золотой и аляповатый. Возможно, он и подходил отцу, но явно не сыну. Не мне судить, но новому Зевсу недостает властности и харизмы. Если он не будет осторожен, пираньи Олимпа сожрут его живьем.

– Зевс, – взволнованно шепчет Афродита.

Она уже столько раз приближалась к трону, что я смогла рассмотреть ярко-красное платье, которое облегает ее стройную фигуру, контрастируя с бледной кожей и светлыми волосами. На этот раз она тащит за собой темноволосого белого парня. Я не узнаю его, а значит, он чей-то друг или дальний родственник либо имеет сомнительную честь быть одним из любимцев Афродиты. Она пробирается сквозь толпу и широко улыбается Зевсу: «Вы просто обязаны познакомиться с Ганимедом!»

– Психея.

Я чуть не подпрыгиваю, когда мама оказывается у меня за спиной. Мне стоит больших усилий, чтобы нацепить на лицо милую улыбку.

– Здравствуй, мама.

– Ты избегаешь меня.

– Нет, конечно. – Конечно избегаю. – Я ходила за напитком. – В качестве доказательства поднимаю бокал.

Мать прищуривается. В отличие от Афродиты, которая, судя по всему, полна решимости до последнего цепляться за свою молодость, моя мама позволила себе стареть изящно. Она выглядит той, кем и является, – женщиной лет пятидесяти с темными волосами и безупречным вкусом. Она носит власть, как иные – дорогую одежду или драгоценности. Взглянув на Деметру, люди расслабляются, ведь аура, исходящая от нее, как бы говорит, что она обо всем позаботится.

Так моя мать и завоевала этот титул.

Когда пришло мое время создать свой публичный образ, я искала вдохновения у нее, хотя и понимала, что мои цели совсем другие. Я рано усвоила, что лучше слиться с толпой, чем стоять перед ней и стать мишенью.

– Психея. – Мама берет меня за руку и направляется к трону. – Я представлю тебя Зевсу.

– Мы с ним уже знакомы.

И виделись даже не один раз. Нас познакомили десять лет назад, когда моя мать стала Деметрой, и с тех пор мы с ним посещали одни и те же вечеринки. Несколько месяцев назад он еще был Персеем, наследником титула *Зевса*. Насколько могу судить, он не такой злодей, каким был его отец, но это не означает, что он не злодей вовсе. Он вырос в сверкающем змеином гнезде Верхнего города. Невозможно прожить здесь так долго, не будучи отчасти монстром.

Мать крепче сжимает мою руку и шепчет:

– Что ж, значит, познакомись еще раз. Как следует. Сегодня.

Мы наблюдаем за Зевсом, который едва достаивает Ганимеда взглядом.

– Непохоже, чтобы он был заинтересован в знакомствах.

– Это потому, что он еще не познакомился с *тобой*.

Я фыркаю. Не могу сдержаться. Знаю свои сильные стороны. Я симпатичная, но не такая красавица, как мои сестры, перед которыми останавливается поток машин. Моя истинная сила кроется в уме, и я очень сомневаюсь, что Зевс это оценит.

К тому же я не имею ни малейшего желания становиться Герой.

Но разве имеет значение, чего я хочу? Мать строит один план за другим, а я лучшая кандидатка из ее незамужних дочерей. Несмотря на мои душевные терзания, полагаю, бывает и худшая участь, чем стать одной из Тринадцати. Единственная опасность, с которой я столкнулась бы, будучи Герой – это сам Зевс. Но этот Зевс хотя бы не обладает репутацией того, кто жестоко обращается со своими партнерами.

Мне удастся выдавить улыбку, когда мама ведет меня сквозь толпу к безвкусному трону. Мы всего в паре метров позади Афродиты и Ганимеда, когда Зевс замечает нас. Он не улыбается, но в его светло-голубых глазах загорается интерес, и он щелкает пальцами в сторону Афродиты.

– Достаточно.

Ошибка.

Афродита оборачивается к нам. Пренебрежительно обводит меня взглядом и обращается к моей матери – своей сопернице, хотя это слишком заурядное определение для той ненависти, которую эти две женщины питают друг к другу.

– Деметра, дорогая, ты ведь не рассматриваешь *эту* свою дочь в качестве потенциальной кандидатки для замужества. – Афродита демонстративно оглядывает меня с головы до ног. – Не хочу грубить, Психея, но вряд ли ты подходишь на роль Геры. Ты просто... не вписываешься. Уверена, ты это понимаешь. – Ее улыбка становится приторно-сладкой, но не скрывает яд в ее словах. – Если хочешь, я с радостью пришлю тебе медицинскую программу, которую советую пройти всем кандидатам на вступление в брак, пока ищу им подходящую пару.

Ух ты. Она даже не пытается быть деликатной. Мило.

Я не успеваю ответить, потому что мать сильнее сжимает мою руку и улыбается своей самой ослепительной улыбкой.

– Афродита, *дорогая*, ты достаточно пожила на свете, чтобы научиться понимать намеки. Зевс предлагает тебе уйти. – Она слегка наклоняется вперед и понижает голос: – Знаю, что получать отказ неприятно, но важно не опускать голову. Возможно, вместо этого ты сможешь организовать другой брак для Ареса. Более доступная цель и все прочее.

Учитывая, что Аресу уже за восемьдесят и он почти стучится в двери преисподней, неудивительно, что Афродита мечет глазами молнии в сторону моей матери.

– Вообще-то...

– О чем вы говорите?

Вопрос задает высокая темноволосая женщина, которая встает между Афродитой и Деметрой с уверенностью, которая присуща только членам семьи Касиос. Эрис Касиос, дочь прежнего Зевса и сестра нынешнего. Она слегка покачивается, будто выпила слишком много, но ее умный взгляд не затуманен алкоголем. Значит, она притворяется.

Мать с Афродитой расправляют плечи, решая, что в их же интересах вести себя вежливо. Афродита улыбается.

– Эрис, выглядишь сегодня сногшибательно, как и всегда.

Это правда. Эрис, как обычно, в черном: сегодня на ней длинное платье с глубоким декольте треугольной формы, доходящим почти до пупка, и разрезом сбоку, который при каждом шаге обнажает ногу. Темные волосы естественно спадают вниз волнами, что лишь свидетельствует, как много времени она потратила на укладку.

Эрис широко улыбается, так скривив алые губы, что у меня волосы на затылке встают дыбом.

– Афродита. Как всегда, рада встрече. – Она поворачивается ко мне, ее бокал наклоняется, и зеленая жидкость, пахнувшая лакрицей, проливается на красное платье Афродиты и зеленое моей матери. Обе женщины, вскрикнув, отскакивают назад.

– Ой. – Эрис прижимает ладонь к груди, изображая абсолютно искреннее сожаление. – О боги, мне так жаль. Должно быть, я слишком много выпила. – Она слегка покачивается, и мама бросается подхватить ее под локоть, чуть не столкнувшись с Афродитой, которая пытается сделать то же самое.

Никто не хочет, чтобы сестра Зевса рухнула посреди вечеринки и устроила сцену, рискуя поставить его в неловкое положение и положить конец ночному веселью.

Они обе так заняты тем, чтобы помочь ей устоять на ногах, что даже не замечают, как Эрис смотрит на меня и... подмигивает. Я бросаю на нее растерянный взгляд, но она слегка дергает подбородком, явно давая понять, что сейчас самое время сбежать. Что все это значит?

Я не задерживаюсь, чтобы спросить. Тем более что Афродита уже нацелила свои заостренные стрелы, которые называет словами, в сторону моей матери, а та подступает к невиди-

мой границе, пролегающей между ними. Когда они так заводятся, то могут продолжать часами, бросаясь язвительными фразами.

Я смотрю на Зевса, но он отвернулся и о чем-то тихо разговаривает с Афиной. Ну и ладно. Если мама так решительно настроена представить меня Зевсу, похоже, сегодня этого не случится.

А может, я просто ищу убедительную причину уйти.

За мать я не волнуюсь. Ей по силам справиться с Афродитой. Она делает это уже много лет.

– Прошу прощения, – бормочу я. – Мне нужно в дамскую комнату. – Никто не обращает на меня внимания, и это, честно говоря, просто прекрасно.

Я иду, пробираясь сквозь толпу в смокингах и роскошных платьях всех цветов радуги. Бриллианты и роскошные драгоценности сверкают под лампами, развешанными по всей комнате, и могу поклясться, что чувствую, как портреты, которые увешивают стены, смотрят мне вслед. Еще месяц назад портретов было всего одиннадцать (и одна рама пустовала в ожидании следующей Геры), на каждом – один из Тринадцати. Будто кому-то нужно напоминать, кто правит этим городом.

Сегодня все тринадцать наконец здесь.

Аида добавили к остальным. Его темный портрет резко контрастирует с более светлыми тонами остальных двенадцати. Он хмуро смотрит в зал, так же, как смотрит на собравшихся, когда все же решает присутствовать. Жаль, что его сегодня нет, хотя бы потому что тогда Персефона тоже бы пришла. Эти вечеринки гораздо легче выносить, когда она рядом. Теперь она правит Нижним городом вместе с Аидом, и находиться в башне Додоны стало невыносимо скучно.

И будет гораздо хуже, если я стану Герой.

Я гоню эту мысль прочь. Нет смысла об этом беспокоиться, пока не узнаю о планах матери и насколько Зевс заинтересован в них. Я замечаю Гермес, Диониса и Елену Касиос, собравшихся вокруг высокого столика в углу. Похоже, они играют в какую-то игру с выпивкой. Хоть кому-то нравится эта вечеринка. Они чувствуют себя здесь свободно, плавая как акулы среди интриг и тщательно скрытых угроз.

Я могу притворяться – у меня это неплохо получается, но никогда не смогу делать это так же естественно, как все эти люди.

Не останавливаясь, я открываю дверь и выхожу в тихий коридор. Сейчас нерабочее время, и мы на самом верху башни, поэтому вокруг никого. Хорошо. Я спешу мимо симметрично расположенных дверей, скрытых за шторами. Они меня пугают, особенно по ночам. Мне не избавиться от ощущения, что за ними кто-то прячется и ждет, когда я пройду мимо. Я смотрю вперед и продолжаю идти, даже когда тихий шорох за спиной кричит моим инстинктам бежать. Я знаю, что эхо моих собственных шагов создает впечатление, будто меня преследуют.

Я не могу убежать от самой себя.

Не могу убежать от тех опасностей, что поджидают меня в главном банкетном зале.

Я не спешу выходить из дамской комнаты и, упершись руками в раковину, глубоко дышу. Хотелось бы ополоснуть холодной водой лицо, но я не смогу как следует поправить макияж, а стоит вернуться обратно немного растрепанной, вокруг сразу соберутся хищники. Если стану Герой, их голоса зазвучат громче, от них нельзя будет спрятаться. Я и так недостаточно хороша для них, или, вернее, я *слишком*...

Слишком тихая, слишком толстая, слишком простая.

– Прекрати, – сказав это вслух, я немного успокаиваюсь.

Я не верю этим оскорблениям. Я упорно трудилась, чтобы этого добиться. И только когда оказываюсь здесь и мне всячески указывают на то, что в Олимпе считается совершенством, ядовитый голос из подростковых лет снова начинает звучать в моей голове.

Пять вздохов. Медленный вдох. И еще более медленный выдох.

Досчитав до пяти, я чувствую, что возвращаюсь к себе. Поднимаю голову, но стараюсь не смотреть на отражение. Зеркалам здесь нельзя верить. Вздохнув в последний раз, заставляю себя покинуть убежище и вернуться в холл.

Надеюсь, мама с Афродитой уже завершили ссору или перенесли ее в удаленный угол банкетного зала, так что, вернувшись на вечеринку, я не окажусь втянутой в скандал. Прятаться в коридоре, пока все не начнут расходиться, – не вариант. Я не дам Афродите решить, что ее слова меня задела.

Но сделав всего пару шагов, понимаю, что не одна.

В мою сторону, пошатываясь, по коридору идет мужчина. Сначала я думаю проигнорировать его и вернуться на вечеринку, но тогда он будет идти за мной следом. Кроме того, нас здесь только двое, и мне не удастся сделать вид, будто я чем-то занята и не замечаю его. Он даже в приглушенном свете выглядит неважно. Может, пьян – небольшая разминка перед вечеринкой зашла слишком далеко.

Вздохнув, я надеваю маску, слегка улыбаюсь ему и машу рукой.

– Позднее прибытие?

– Вроде того.

Вот черт. Мне знаком этот голос. Я всеми силами стараюсь избегать человека, которому он принадлежит.

Эрос. Сын Афродиты. Ее *посредник*.

Я с опаской наблюдаю, как он приближается и, оказавшись рядом, выходит из тени. Он великолепен, как и его мать. Высокий, светловолосый. Его волосы завиваются, но это не выглядит очаровательно. Черты лица Эроса слишком мужественные, чтобы описывать их таким безобидным словом, как «очаровательно». Он высокий, крепкого телосложения, и даже дорогой костюм не способен скрыть, насколько у него широкие плечи и мускулистые руки. Этот мужчина создан для насилия и одарен телом, при виде которого разрыдался бы любой скульптор. Весьма вероятно.

Я замечаю пятно на его белой рубашке и прищуриваюсь.

– Это кровь?

Эрос опускает взгляд и тихо чертыхается.

– Думал, всю оттер.

Не составляет труда понять, о чем он. Нужно убираться отсюда, и поскорее. Вот только...

– Ты хромаешь.

Скорее он даже пошатывается, но не потому, что пьян, ведь говорит слишком внятно.

– Нет, – непринужденно отвечает он.

Легко врет. Он хромает, и это совершенно точно кровь. Я знаю, что это значит. Видимо, он приехал сюда, выполнив очередное кровавое задание Афродиты. Меньше всего на свете мне хочется иметь дело с этими двумя.

И все же я медлю.

– Это твоя кровь?

Эрос останавливается передо мной, его голубые глаза лишены эмоций.

– Это кровь красотки, которая задавала слишком много вопросов.

Глава 2 Психея

Эрос Амброзия считает меня красивой.

Я выбрасываю из головы эту глупую, совершенно безрассудную мысль.

– Сделаю вид, что это шутка.

Хотя понимаю, что это не так. В Олимпе нет ничего опаснее, чем быть красивой девушкой, которая смогла так разозлить Афродиту, что та посылает к ней своего сына.

В особенности опасно быть красивой девушкой, которая может помешать ей выбрать следующую Геру по своему усмотрению.

– Вовсе нет.

Не могу понять, всерьез Эрос говорит или нет, но лучше не рисковать. Он явно не хочет разговаривать, а проводить в его обществе больше времени, чем необходимо, – ужасная идея. Я уже открываю рот, чтобы извиниться и ускользнуть в уборную, где собираюсь прятаться, пока он не уйдет, но в итоге говорю совсем другое.

– Если зайдешь туда раненым, может, кто-нибудь решит довести дело до конца. В том зале предостаточно ваших с матерью врагов. – Не нужно уточнять, что при малейшем проявлении слабости эти враги слетятся, как стая ворон?

Эрос приподнимает брови.

– Почему тебя это волнует?

– Совсем не волнует. – Мне правда все равно. Я просто дура, которая не знает, когда остановиться. Каким бы ни был Эрос, он, как и я, не выбирал быть ребенком одного из Тринадцати. – Но я не конченная социопатка. Позволь помочь тебе.

– Мне не нужна твоя помощь. – Он разворачивается и идет обратно к лифтам.

– Но я все равно ее предлагаю.

Мое тело принимает решение пойти за Эросом, пока мозг не успел остановить меня; ноги движутся сами по себе, и я удаляюсь от относительной безопасности вечеринки. Войти в лифт – все равно что пройти точку невозврата. Я была бы рада сказать, что преувеличиваю,

но репутация Эроса опережает своего обладателя, а согласно ей он... очень жесток и очень опасен. Сложив руки перед собой, я сдерживаюсь, чтобы не начать болтать всякую чушь.

Мы спускаемся на несколько этажей, и Эрос ведет меня мимо кабинетов из стекла и стали и толкает дверь, которая послушно ему поддается. Он закрывает ее за нами, и я понимаю, что мы находимся в роскошной уборной. Как и все остальное в башне Додоны, она выполнена в минималистичном стиле: черные полы, несколько кабинок, выложенная плиткой душевая и три стальные раковины. Возле двери небольшое пространство с парой уютных кресел и маленьким столиком.

– Похоже, ты неплохо здесь ориентируешься.

– Моя мать ведет много дел с Зевсом.

Я с усилием сглатываю.

– Наверху тоже находятся уборные. – Ближе к вечеринке.

– В этой есть аптечка первой помощи. – Эрос наклоняется, чтобы открыть шкафчик под раковиной, и морщится.

Это толкает меня начать действовать. Я здесь, чтобы помочь, а не смотреть, как он мучается.

– Сядь, пока не упал.

Удивлена, что он не спорит, а послушно идет к креслам и падает в одно из них. Я решаю не думать о странности происходящего и сосредотачиваюсь на своей задаче: понять, как сильно он ранен, залатать его и вернуться в банкетный зал, пока мать не отправила за мной поисковую группу.

Если учесть, что в последний раз, когда одна из ее дочерей пропала во время вечеринки в башне Додоны, в итоге она оказалась на другом берегу Стикса в объятьях Аида... Да, лучше не уходить надолго.

В шкафчике под раковиной действительно есть аптечка. Я достаю ее, поворачиваюсь и замираю.

– Что ты делаешь? – Я почти кричу, но ничего не могу с собой поделать.

Эрос останавливается, наполовину сняв рубашку.

– Что-то не так?

Все. Я уже десять лет знаю этого парня, и мы вращаемся в одних кругах, но я видела его только на вечеринках, идеально одетым и сияющим. Его красота головокружительна, она настолько совершенна, что кажется нереальной.

Сейчас он выглядит не таким совершенным.

Но таким реальным. Невозможно удерживать стену, которую я мысленно выстроила вокруг образа Эроса, *опасного плейбоя*, когда он снимает рубашку и обнажает тело, которое словно высечено богами. Усталость, отразившаяся на его лице, лишь усиливает его привлекательность, и я чувствую, что мне нечем дышать.

Паника. Настоящая паника. Нет, это не влечение. Только не это. Не к нему.

– Ты раздеваешься.

Я вижу пластири, которые кто-то (а может, это сделал сам Эрос) наклеил ему на грудь. Парень одаривает меня очаровательной улыбкой, которая получается слегка натянутой.

– У меня сложилось впечатление, что ты бы хотела, чтобы я снял одежду.

– Точно нет, – выпаливаю я и ощущаю, как рушатся барьеры, которые я с таким трудом создавала.

– Все остальные хотят.

Как ни странно, его высокомерие меня успокаивает. Я делаю вдох, еще один и бросаю на него ироничный взгляд. Мы лишь шутим. Я умею это делать. Всю взрослую жизнь обменивалась остроумными оскорблениями с такими, как Эрос.

– Я должна тебе посочувствовать? Или ты хвастаешься? Выражайся яснее, пожалуйста, чтобы я могла отреагировать соответственно.

Он хохочет.

– Умно.

– Стараюсь. – Я хмурюсь. – Думала, у тебя ранена нога.

– Просто синяк. – Снова эта обаятельная улыбка. – Пытаешься и штаны с меня снять?

Если мне стало так неловко, когда он всего лишь снял рубашку, то точно не хочу, чтобы он лишился еще какого-то предмета одежды. Это может зажечь меня, и тогда, если не умру на месте от смущения, у Эроса появится оружие, которое можно использовать против меня.

– Конечно нет.

Он скидывает рубашку и резко выдыхает.

– Вот досада.

– Ничего, переживешь. – Я ставлю аптечку на стол и осматриваю грудь Эроса. Некоторые пластыри почти отклеились, и там, где рубашка пропиталась кровью, остались красные разводы.

Что с ним случилось? Подрался с кустом роз?

– Это нужно переделать.

– Дерзай. – Он отклоняется назад и закрывает глаза.

Я собираюсь сделать замечание, что он заставляет меня все делать в одиночку, но слова застревают в горле, когда отклеиваю первый пластырь и вижу...

– Эрос, крови очень много. – Из-за мешанины пластырей не могу понять, насколько серьезны его раны, но из некоторых продолжает идти кровь.

– Ты бы видела другого парня, – говорит он, не открывая глаз. Это подтверждает мои подозрения.

Другой парень жив? Не стоит задавать этот вопрос. Раз Эрос здесь, значит, успешно справился с порученным заданием. У него на груди по меньшей мере десяток порезов.

– Придется промыть, иначе пластыри не будут держаться.

Он машет рукой, давая разрешение.

Стараясь не волноваться, я роюсь под раковиной в поисках чистых полотенец. Я мочу два и, захватив остальные, возвращаюсь к Эросу и пытаюсь смыть кровь. У меня уходит несколько минут, чтобы промыть раны.

Неожиданно я понимаю, что протираю полотенцем тело Эроса Амброзии.

И резко отстраняюсь.

– Эрос, на некоторые порезы нужно наложить швы. – Все выглядит не так плохо, как раньше, пока я не промыла раны, но я не врач. У них наверняка есть личный доктор, как и в любом семействе Тринадцати. Не понимаю, почему Эрос не позвонил ему вместо того, чтобы идти на эту чертову вечеринку.

– Ничего. До конца ночи потерплю.

Я хмуро смотрю на него.

– Шутишь. Пойти на вечеринку для тебя важнее, чем найти врача, который окажет необходимую медицинскую помощь?

– Ты лучше других знаешь, почему мне это нужно. – Он открывает глаза. Кажется, их голубизна стала ярче, и в них мелькает нечто странное. Вероятно, боль – быть не может, чтобы Эрос Амброзия, сын Афродиты, смотрел на меня с вожделием.

Невольно смотрю на его рот. У Эроса чувственные губы изогнутой формы. Я снова жалею, что он опасный убийца.

Чтобы отвлечься от безумных мыслей, встаю и иду к раковине. Напоминает бегство, но я делаю вид, что мне надо смыть с рук кровь. Бросаю взгляд в зеркало и замираю. Эрос смотрит на меня со странным выражением лица. Это не вожделие, которое, как убедила себя, мне

привиделось. Нет, Эрос смотрит на меня так, будто впервые видит, будто я не та, кого он себе представлял.

Это не имеет смысла. Хотя я и бываю на тех же вечеринках и мероприятиях, что и он, у Эроса нет причин думать обо мне. Да и я не думаю о нем. Возможно, Эрос великолепен даже по меркам Олимпа, настолько безупречен, что его портрет красовался бы на каждом рекламном щите, если бы он захотел, но он опасен.

Я вытираю руки и снова сажусь напротив него. Теперь происходящее кажется более интимным. Я прогоняю эту мысль и начинаю накладывать повязки. Я не удивилась бы, если бы он оттолкнул мои руки и сделал все сам, но он сидит неподвижно, едва дыша, пока я осторожно накладываю повязку за повязкой. Я насчитываю около дюжины порезов, но большинство из них неглубокие и уже перестали кровоточить.

– У тебя неплохо получается. – Его низкий голос звучит резко. Не могу понять, критикует ли он меня или просто комментирует.

Решаю не искать скрытый смысл в его словах.

– Я выросла на ферме. – Вроде того. По сути, это была ферма, но не такая, какую представляют обычно люди, когда думают о фермерской жизни. Там не было милого домика с выцветшим красным амбаром. Возможно, мама и приобрела большое состояние за счет трех браков, но и начинала она не с нуля. У нее имелась промышленная ферма, и обстановка там была соответствующая.

Эрос кривит губы, в его взгляде мелькает блеск.

– И часто на фермах получают колотые раны?

– Значит, ты признаешь, что тебя пырнули ножом.

Теперь он открыто улыбается, хотя на его лице все еще читается боль.

– Я не собираюсь ничего признавать.

– Конечно нет. – Я понимаю, что стою слишком близко к нему, и, резко отодвинувшись, снова иду к раковине вымыть руки. – Но отвечая на твой вопрос: когда кругом полно всевозможной техники, не говоря уже о животных, которые любят выражать свое недовольство глупыми людьми, случаются травмы. – Особенно, когда у тебя есть сестры, которые обожают приключения. Но Эросу я об этом не собираюсь рассказывать. Этот разговор уже стал слишком личным и странным. – Мне надо возвращаться.

– Психея. – Он ждет, пока я повернусь к нему. На миг он становится совсем не похожим на хищника, которого я старательно избегала. Он просто парень, уставший и страдающий от боли. Эрос прикасается к повязке на груди. – Зачем помогать ручному монстру Афродиты?

– Даже монстрам порой нужна помощь, Эрос. – Мне стоит на этом закончить, но его вопрос прозвучал неожиданно искренне, и я не могу противиться желанию его утешить. Совсем немного. – К тому же ты не монстр. Не вижу ни чешуи, ни клыков.

– Монстры принимают разные формы, Психея. Живя в Олимпе, ты должна об этом знать. – Он начинает застегивать рубашку, но руки у него так дрожат, что ничего не получается. Я подхожу ближе, не успев подумать, почему это может быть ужасной идеей.

– Давай я. – Наклоняюсь и осторожно застегиваю пуговицы. Мои пальцы несколько раз касаются его обнаженной груди, и я слышу, как он шумно выдыхает при этом. Боль. Все дело в ней. А не в моих прикосновениях. Задержав дыхание, застегиваю последнюю пуговицу и отхожу.

– Вот и все.

Он встает. Я наблюдаю, но, похоже, теперь Эрос тверже стоит на ногах. Он надевает пиджак и застегивает его, скрывая пятна крови.

– Спасибо.

– Не благодари меня. Любой сделал бы то же самое.

– Нет. – Он мотаает головой. – Вовсе нет. – И не дает мне возможности ответить. – Идем. Поднимайся без меня, мне нужно найти сменную рубашку. – Он колеблется. – Если увидят, что мы возвращаемся вместе, для нас это добром не кончится.

Это правда. Сплетники Олимпа начнут болтать, и Афродита с Деметрой придут в ярость. Меньше всего мне хочется, чтобы нас с Эросом что-то связывало.

– Конечно.

Когда мы выходим в коридор, Эрос опускает ладонь мне на поясницу. От этого прикосновения я вздрагиваю. Я оступаю, но он подхватывает меня под локоть, не давая упасть.

– Все в порядке?

– Да, – говорю, не глядя на него. Не могу на него смотреть. Мне и так сложно игнорировать то чувство, которое вспыхнуло между нами, пока я обрабатывала его раны. И меня пугает риск, когда он стоит так близко, опустив одну руку мне на поясницу, а другой придерживая за локоть. Мне совершенно не стоит...

Я поднимаю голову, а Эрос опускает взгляд – и боги... Это ошибка. В любую минуту я отстранюсь, и окажется, что этого странного эпизода не было вовсе. В... любую... минуту...

Яркая вспышка обжигает глаза. Я отскакиваю от Эроса и часто моргаю. *О нет. О нет, нет, нет, нет.* Не может быть.

Но все так и есть. Мое зрение медленно проясняется, и надежда, что поблизости лопнула лампочка, развеивается как дым. Невысокий мужчина с ярко-рыжими волосами и камерой в руках стоит в паре метров от нас и широко нам улыбается.

– Видел, как вы вместе зашли в лифт. Психея, не желаете прокомментировать, почему сбегаете с вечеринки Зевса, чтобы уединиться с Эросом Амброзией?

Эрос делает угрожающий шаг в сторону фотографа, но я хватаю парня за руку и выдавливаю улыбку.

– Просто дружеская беседа.

Мужчина не обращает внимания на мои слова.

– Поэтому у Эроса неправильно застегнута рубашка? А на снимке вы выглядите так, будто вот-вот поцелуетесь? – Не успеваю придумать новую ложь, как он уходит.

– Нас сделали, – выдыхаю я.

Эрос произносит живописное ругательство.

– В общем, так и есть.

Я знаю, как все происходит. Не успеет закончиться ночь, как наши с Эросом снимки окажутся на сайтах сплетен, а люди начнут строить теории о *запретном романе*. Представляю заголовки газет.

«Обреченные любовники! Что подумают Деметра и Афродита о тайных отношениях своих детей?»

Мать не просто придет в ярость. Она меня убьет.

Глава 3

Эрос

Две недели спустя

– Принеси мне ее сердце.

– Раны зажили прекрасно. Спасибо, что спросила. – Я не отрываю взгляда от телефона, а мать расхаживает из одного конца комнаты в другой, шурша юбкой.

Как всегда, королева драмы.

Телефон не помогает отвлечься, как бы я этого ни хотел. За две недели, прошедшие с вечеринки, домыслы и сплетни обо мне и Психее Димитрию не утихли. Напротив, наш отказ дать комментарии только подлил масла в огонь. В Олимпе больше всего любят скандальные истории, а интрижка между детьми враждующих семей – исключительно скандальная история. Правда не имеет значения, если можно рассказать захватывающую ложь.

Не говоря уже о том, что фотограф сделал блестящий снимок.

На фото мы стоим близко, почти обнимая друг друга, и Психея смотрит на меня вопрошающе. А я? Выражение моего лица можно описать одним словом – *жаждущее*. Я бы не пошел на такой риск и не стал целовать Психею, стоя посреди коридора, но никто, взглянув на нашу фотографию, в это не поверит.

– Прекрати играть с телефоном и посмотри на меня. – Мама разворачивается на высоких каблуках и сердито на меня смотрит.

Ей пятьдесят, и, хотя она дерет с меня шкуру, если я посмею произнести это вслух, ни морщины, ни седые волосы не выдают ее возраст. Она потратила целое состояние, чтобы сохранить гладкость кожи и льдисто-белый цвет волос. И я не говорю о бесчисленных часах занятий с личным тренером, чтобы стать обладательницей тела, за которое убили бы и двадцатилетние. И все ради своего титула – Афродиты. Если тебе выпадает роль сводницы Олимпа, той, которая торгует любовью, нужно отвечать определенным ожиданиям.

– Эрос, убери проклятый телефон и послушай меня.

– Слушаю. – Скучающий тон выдает, что мое терпение иссякает, этот разговор меня утомил. За последние две недели мы множество раз обсуждали это. – Я уже рассказал тебе, что было на самом деле.

– Всем плевать, что было на самом деле. – Она почти кричит, ее сдержанный приглушенный голос становится резким и высоким. – Твое имя втоптали в грязь, связав тебя с дочерью этой выскочки.

Я не напоминаю ей, что она имеет не больше прав на титул Афродиты, чем Деметра на свой. Только власть Зевса, Аида и Посейдона передается от родителей к детям. Остальные Тринадцать назначаются как путем выборов, так и тайно. Мать не может смириться, что ее назначила преемницей прежняя Афродита, тогда как Деметру избрали на общегородских выборах.

Деметру выбрали люди, и она не дает моей матери об этом забыть.

– Скоро все переключатся на какой-нибудь новый скандал. Просто наберись терпения.

– Не тебе указывать мне, что делать. Это я отдаю приказы, а ты их выполняешь. – Она стоит передо мной, не сводя с меня сердитого взгляда. – Ты заварил эту кашу. Если бы ты выполнил последнее задание правильно, тебя бы не застали с этой девчонкой.

– Мама.

Не знаю, зачем спорю. Когда мать впадает в ярость, ее невозможно успокоить. Поэтому люди так осторожны с ней. Даже мне приходится быть осторожным. Пускай она преподносит общественности наши отношения как отношения между любящей матерью и верным сыном, но правда далеко не так привлекательна. Я – оружие Афродиты. Она говорит мне, куда отправиться и какую месть вершить, а я выполняю ее приказ, как долбаный игрушечный солдатик. Мое мнение никогда не спрашивается. Я говорил ей, что нужно решать проблему с Полифонтой постепенно, а не торопить события, как в ночь той вечеринки, но Афродита настояла на своем.

Она не умеет ждать.

– Ее сердце, Эрос. Не вынуждай меня повторять.

Я с трудом подавляю раздражение.

– Тебе стоит уточнить, мама. Ты хочешь ее сердце в буквальном смысле? Уже выбрала для него серебряную шкатулку? Поставишь ее на каминную полку рядом с моей выпускной фотографией?

Она издает звук, напоминающий шипение.

– Какой же ты мелкий засранец. – Вот и Афродита, которую она не показывает больше никому в Олимпе. Только я обладаю сомнительной привилегией наблюдать, какое моя мать на самом деле чудовище.

Хотя мне ли судить.

Не вижу ни чешуи, ни клыков.

Я почти вздрагиваю, вспомнив мягкий голос Психеи. Думал, что она умнее. Надо быть душой, чтобы десять лет вращаться в одних кругах со мной и не считать меня монстром.

Я демонстративно выключаю телефон и сосредотачиваю на матери все свое внимание.

– Ты определилась с планом действий, так что можешь не скромничать.

Любой другой вздрогнул бы от спокойного тона моего голоса, в котором сквозила жесткая угроза. Но Афродита лишь рассмеялась.

– Эрос, милый, ты невыносим. После истории, которую Деметра провернула прошлой осенью со своей дочерью и Аидом, она в самом деле думает, что может меня обойти и сделать Психею следующей Герой. Только через мой труп. Вернее, через ее труп.

У меня в груди что-то обрывается, но я не обращаю внимания.

– Если ты так зла на Деметру, сделай что-нибудь с ней, а не с ее дочерью.

– Сам знаешь. – Она взмахивает рукой. – И матери, и дочери нужно преподать урок. Деметра демонстрирует власть, возомнив себя кем-то большим, чем несчастная фермерша. Это немного собьет с нее спесь.

Только моя мать могла решить, что смерть ребенка заставит кого-то быть тише.

Но она пойдет на все, чтобы сохранить власть. Афродита отвечает за многое, но ее самая востребованная работа – организация браков среди богачей и верхушки Олимпа. Среди Тринадцати и их семей, а также тех, кто обладает достаточной властью и влиянием, но никогда не попадет на вечеринку в башне Додоны.

Неудивительно, что мать не находит себе места, считая, что Деметра вторгается на ее территорию. Мама устроила все три брака для предыдущего Зевса – этот ублюдок убивал жен, что вполне устраивало мою мать, ведь она любит свадьбы и ненавидит все, что за ними следует. Подобрать новую Геру для нового Зевса – ее главная задача, и, похоже, Деметра хочет поставить Психею на место Геры, не посоветовавшись с Афродитой.

Я пытаюсь это представить, но мой разум противится такой мысли. Вспоминаю, как Психея хмурила брови, пока перевязывала меня. Девушку, которая оказалась настолько глупа, чтобы проявить доброту к сыну врага, заживо сожрут, когда она станет Герой.

Я прокашливаюсь.

– Как дела у Зевса? Неужели ему не нравится ни одна из одобренных тобой кандидаток?

Еще несколько месяцев назад он был Персеем, но имя – первая из жертв, приносимых на алтарь Тринадцати. Когда-то мы были друзьями, но Олимп имеет свойство разлучать людей. Чем старше мы становились, тем больше Персей увлекался подготовкой, чтобы стать следующим Зевсом. А я? Что ж, моя жизнь также пошла по темному пути. Думаю, мы все еще друзья, но между нами существует отчуждение, которое ни он, ни я не в силах преодолеть. И даже не представляю, с чего начать попытки.

Я не слишком переживаю из-за этого. Персей всегда был наследником Зевса. Он знал, что примет титул, когда умрет его отец. А если это случилось раньше, чем все ожидали... что ж, Персей вполне способен с этим справиться. Это не моя проблема. Не может ей быть. В конце концов, не я убил Зевса.

– Не уходи от темы, – кричит мать. – С тех пор, как Персефона сбежала и сошлась с Аидом, равновесие в Олимпе нарушено. Теперь Деметра считает, что может свести еще одну дочь с обладателем наследного титула? Что дальше? Выдаст свою одичалую старшую дочь за Посейдона? – Афродита фыркает. – Я так не думаю. Кто-то должен усмирить Деметру, и если никто не вмешается, тогда это придется сделать мне.

– Хочешь сказать, что *мне* придется. Может, ты и жаждешь получить ее сердце, но мы оба знаем, что всю работу сделаю я. – Мне совсем не хочется, чтобы на меня открыли охоту, поэтому стараюсь свести убийства к минимуму. Гораздо проще устранить противника, пустив хорошо продуманный слух и наблюдая, пока он своими же действиями не приведет себя к краху. Олимп наполнен грехом, если кто-то верит в подобные вещи, и никто из блистательного окружения Тринадцати не обделен пороками.

Кроме дочерей Деметры, судя по всему.

Они всегда старались держаться подальше от этого, и у них получалось... по крайней мере, до последнего времени. С того дня, как прежний Зевс решил, что хочет заполучить Персефону (хотя для него это добром не кончилось), весь Олимп сходит с ума по сестрам Димитрию. В конце концов, история Персефоны напоминает сказку, которая переживет века, такую хрень сайты сплетен никогда не пропустят. Зевс подтолкнул Персефону в объятия Аида, и это привело к тому, что Аид оставил тени Нижнего города. Никто такого не предвидел.

Зевсу и остальным в Верхнем городе нравится делать вид, будто Олимп заканчивается у реки Стикс. Аид был чем-то вроде грязной тайны, о которой знали только Тринадцать и

несколько избранных. Теперь он у всех на виду, и баланс сил в Олимпе сдвинулся. Пройдет далеко не один месяц, пока все уляжется.

Роман Аида с Персефой только усилил интерес Олимпа к сестрам Димитрию. Они все привлекательны, но ни одна из них не вписывается в рамки общества. Персефона всегда мечтала о большем, ее решимость найти способ выбраться из города была очевидна любому, кто обладает хоть каплей проницательности. Каллисто, старшая из сестер, и правда дикая, моя мать не ошибается. Она постоянно устраивает скандалы и говорит то, что говорить не стоит, откровенно отказываясь играть по правилам Олимпа, чем одновременно возмущает и привлекает окружающих. Эвридика, самая младшая, симпатичная и милая, слишком наивна, чтобы жить в этом городе.

И Психея. Она отличается от сестер не только внешне – она во всем другая. Она играет в принятую игру и делает это хорошо и непринужденно. Она кажется простой, но я достаточно долго наблюдал за ней и заметил, что она не совершает ни одного случайного шага. Конечно, доказать это я не могу, но думаю, она так же умна, как и ее мать.

Но все это не объясняет случившегося в ночь вечеринки Зевса. Если бы Психея была такой же коварной, как ее мать, то ни за что не допустила бы, чтобы ее застали наедине со мной. Не стала бы перевязывать мои раны. Она бы не сделала ничего из того, что произошло, когда мы встретились в коридоре.

Меня не очень заботят моральные ценности, но даже я считаю, что скверно лишать ее жизни в награду за доброту.

– Эрос. – Мать щелкает пальцами перед моим лицом. – Прекрати витать в облаках и сделай это для меня. – На ее лице медленно расцветает улыбка, взгляд голубых глаз становится ледяным. – Принеси мне сердце Психеи.

– Ты точно хорошо все обдумала? – Я приподнимаю брови, стараясь сохранять безучастное выражение лица. – Ее любят сотни тысяч олимпийцев, по крайней мере, если судить по подписчикам в соцсетях.

Я осознаю ошибку, когда Афродита хмурится.

– Она просто толстуха, лишенная вкуса и внутреннего содержания. MuseWatch и другие сайты следят за ней только потому, что она новое лицо. Она настолько далека от моего уровня, что об этом даже не стоит говорить.

Я не спорю, потому что в этом нет смысла, но на самом деле Психея великолепна и обладает вкусом, который задает тенденции. О таком Афродита может только мечтать. И в этом вся проблема. Моя мать решила одним выстрелом убить двух зайцев.

– Не знал, что вы соревнуетесь.

– Мы не соревнуемся. – Она отмахивается, но я не настолько глуп, чтобы поверить ей. – Речь не обо мне. А о тебе. – Она упирает руки в бока. – Я хочу, чтобы ты разобрался с ней, Эрос. Ты должен сделать это ради меня.

В моей груди что-то сжимается, но я не обращаю внимания. Если бы и верил в существование души, то свою я давно принес в жертву, судя по моим поступкам. За власть в этом городе приходится платить, а учитывая, что моя мать – одна из Тринадцати, у меня не было ни единого шанса остаться безгрешным. Если ты не на вершине иерархии Олимпа, то будешь раздавлен под ногами тех, кто использует тебя, чтобы подняться выше. У меня нет выбора. Я родился здесь, и единственный путь – быть лучшим, самым опасным, тем, кого люди будут обходить стороной. Это обеспечивает безопасность и мне, и моей матери. Даже если иногда приходится выполнять ее мелкие поручения. Это небольшая цена.

– Я займусь этим.

– До конца недели.

Значит, у меня будет совсем немного времени. Подавив негодование, я киваю.

– Я сказал, что займусь этим, значит, так и сделаю.

– Хорошо. – Она разворачивается, драматично взмахнув юбкой, и выходит из комнаты. В этом вся Афродита. Обещает отмщение и полна требований, но когда доходит до дела, ей внезапно нужно быть где-то еще.

Это даже к лучшему. Я хорош в своем деле, потому что знаю, когда нужно засветиться, а когда действовать тайно. Афродита не сумела бы оставаться незаметной, даже если бы от этого зависела ее жизнь. Выждав ровно тридцать секунд, я вскакиваю и иду к двери. Если мать передумает и вернется, чтобы продолжить нести чушь, то разозлится, обнаружив, что моя дверь заперта, но я не люблю, когда меня отвлекают от планирования.

И, честно говоря, стоит выстраивать границы между нами. Мать контролирует так много в моей жизни, что мне важно хотя бы изредка заявлять о своем личном пространстве. Но Афродита не собирается ослабить контроль надо мной. Как бы это ни раздражало, мои возможности ограничены. Моя мать – одна из Тринадцати. Неважно, где бы в Олимпе я ни находился, факт остается фактом: у нее на руках все карты – вся власть, – а я всего лишь инструмент, которым она может воспользоваться, когда это необходимо.

Я не святой. И давно примирился со своей жизнью. Но черт возьми, порой это душит меня, особенно когда Афродита отдает приказ, который кажется особенно жестоким. Психея помогла мне, а теперь мать приказывает убить ее.

Я иду через пентхаус в свою безопасную комнату. Я использую ее для хранения вещей, которые хочу спрятать от любопытных гостей – или Гермес. Она уже раз десять пыталась туда проникнуть, и до сих пор мои меры безопасности выдерживали, но я понимаю, что рано или поздно она может добиться своего. А пока это лучший из доступных вариантов.

Заперев дверь, сажусь за компьютер, чтобы все продумать. Было бы гораздо проще, если бы Афродита хотела лишь сделать Психее предупреждение. Она может незаметно и постепенно создавать себе репутацию инфлюенсера, но чтобы уничтожить все ее труды, нужна лишь искра. Я делал это множество раз в последние годы и не сомневаюсь, что продолжу и в будущем. Нужно лишь немного терпения и умение вести затяжную игру.

Но моя мать хочет получить ее сердце. Как настоящая злая королева. Я качаю головой и открываю имеющиеся у меня данные о сестрах Димитриу. У меня собраны сведения обо всех Тринадцати и их ближайших родственниках и друзьях. В Олимпе любая победа на девяносто процентов зависит от информации, поэтому я стараюсь оставаться в курсе событий. После вечеринки, прошедшей две недели назад, я особенно заинтересовался Психеей и не могу винить в этом только свою мать.

Психея не должна была мне помогать.

Было бы разумнее с ее стороны отвернуться и сделать вид, что не заметила меня. Любой другой на ее месте поступил бы именно так. Даже некоторые из тех, кого я считаю друзьями, выбрали бы это. В Олимпе каждый сам за себя.

Я просматриваю свежие статьи на MuseWatch. Персефона навестила семью в прошлые выходные и вызвала настоящий переполох, взяв с собой нового мужа. Никто не ожидал возможности альянса Аида и Деметры, что только подпитывает паранойю моей матери. Она держала прежнего Зевса на поводке, но его сын не клюет на приманку, которой она продолжает размахивать перед ним. Это заставляет ее волноваться.

Я останавливаюсь на фотографии, на которой Психея с сестрами делают покупки. Похоже, сестры Димитриу искренне любят и поддерживают друг друга. Возможно, они и укрепили позиции в борьбе за власть, но продолжают держаться в стороне. Не знаю, считают ли они себя лучше всех, или дело в том, что мы не стали принимать их с распростертыми объятиями, когда они только появились. Мать любит называть их семью честолюбивой, и многие в ближайшем окружении Тринадцати стали соглашаться с ней.

Но будь это правдой, Персефона Димитриу не отважилась бы перейти реку Стикс, пытаясь избежать брака с Зевсом.

А Психея не стала бы ей помогать.

Не уверен, что именно произошло в ту ночь, но знаю: в этом была замешана Психея – и она определенно не пыталась убедить сестру, что этот брак поможет укрепить положение их семьи. Будь они другими, Психея воспользовалась бы отсутствием сестры и предстала перед Зевсом в качестве кандидатки на роль новой Геры.

Но вместо этого она помогла сестре. Как помогла и мне.

Я рассматриваю фотографию Психеи. У нее длинные темные волосы, полные губы, которые всегда слегка изогнуты в загадочной улыбке. Глядя на нее, не могу винить папарацци за то, что они ею одержимы: похоже, она чувствует себя комфортно в своем теле, а это чертовски сексуально.

Она очень фотогенична, но снимки не передают ее красоту в полной мере. В ней кроется нечто такое, что заставляет людей выпрямить спину и застыть, наблюдая за ней, даже когда она старается оставаться незаметной, как, судя по всему, всегда поступает на вечеринках, на которых мы оба бываем.

Но Психея не спряталась в тень в том коридоре. Не думаю, что она делала это намеренно, но я успел заметить за ее милым личиком блеск яркого и пытливого ума. Она может делать вид, будто не обладает ничем, кроме внешности, но она умна. Слишком умна, чтобы попасться наедине со мной, и все же она пошла на этот риск. Зачем? Потому что я явно нуждался в помощи. *Потому что даже монстрам порой нужна помощь.*

Все это приводит меня к печальному выводу.

Психея Димитриу в самом деле может быть той, кто для Олимпа является мифическим существом – хорошим человеком.

Выругавшись, я закрываю окно браузера. Не имеет значения, что она сексуально привлекательна и добра или что я уважаю ее за то, как успешно она избегала участвовать в борьбе за власть с тех пор, как ее семья здесь обосновалась. Но моя мать дала задание, и знаю, что будет, если я провалюсь.

Изгнание.

Я останусь ни с чем. Стану никем.

Афродита любит напоминать, что единственное, на что я способен, – это причинять людям боль. И хотя понимаю, что это чистая манипуляция... она не ошибается. Я не умею управлять корпорацией, как Персей. Не знаю, как очаровывать и успокаивать, как Елена. Черт, мне даже проникновение со взломом не дается так хорошо, как Гермес.

Не говоря уже о том, что немало жертв Афродиты (моих жертв) подверглись изгнанию. Если разделю их судьбу, сомневаюсь, что протяну хотя бы год, прежде чем один из них не выследит меня и не совершит справедливую месть.

Лучше об этом не задумываться. Я выполню задание, а потом найду кого-то, чтобы на неделю забыться, трахаясь, напиваясь и делая все, лишь бы отключиться. Как всегда.

Выругавшись снова, беру телефон.

На звонок отвечает оживленный женский голос.

– Эрос, мой любимый бог секса. Сегодня мой счастливый день.

Обычно мне сложно сдерживать улыбку, когда я общаюсь с Гермес. Она неисправима и единственная из Тринадцати, чьему присутствию я по-настоящему бываю рад. Но сегодня мне совсем не хочется улыбаться.

– Гермес.

Она вздыхает.

– Значит, ты по делу?

– По делу, – подтверждаю я. Нас с Гермес не всегда связывали только деловые отношения. Мы несколько раз спали, но в итоге остановились на том, что будем друзьями. Не могу сказать, что доверяю ей (по сути, она мастер шпионажа), но она мне нравится.

– Только бизнес и никакого веселья – и ты становишься скучным мальчиком.

– Не все из нас могут играть роль шутов при дворе Аида.

Она смеется.

– Не злись, что Аид запретил тебе входить в его секс-темницу. На его месте ты бы сделал то же самое.

Она права, но не означает, что я признаю это. Единственная причина, по которой Аид позволял мне беспрепятственно пересекать Стикс, – наши взаимовыгодные отношения. Он контролировал, какую информацию я передаю матери. Я наслаждался его гостеприимством. Все изменилось с появлением Персефоны. С ней его преданность перешла к жене и ее матери, Деметре.

А поскольку Деметра и Афродита ненавидят друг друга, я оказался в Нижнем городе персоной нон грата. Когда Аид перекрыл мне путь туда, то лишил единственного средства выпустить пар. Сейчас это, конечно, не имеет значения, но Гермес всегда знала, как нажать на чьи-то болевые точки...

– Я хочу, чтобы ты передала одно сообщение, но оно носит деликатный характер.

Пауза.

– Ладно, ты меня заинтриговал. Перестань играть моими ожиданиями и скажи, что задумал.

Выдав легкую улыбку, я объясняю, что мне нужно. Роль Гермес среди Тринадцати – отчасти посланника, отчасти шпиона, а также создательницы хаоса. По-настоящему она предана только Дионису, хотя не уверен, что их дружба выдержит, если обстановка станет действительно напряженной. Но не он моя цель, а потому не сомневаюсь, что Гермес сделает все так, как прошу.

Когда заканчиваю говорить, она весело смеется.

– Эрос, ну ты и хитрый говнюк. Я доставлю сообщение к утру. – Она вешает трубку, не дожидаясь моего ответа.

Я со вздохом откидываюсь на спинку стула и потираю грудь. Неважно, что я об этом думаю, события развиваются. Поздно возвращаться и менять прошлое, я могу теперь сделать лишь то, что делал всегда, – одержать победу.

Психея Димитриу будет мертва до конца недели.

Глава 4 Психея

– Клянусь богами, если мать получит еще хоть одно приглашение на вечеринку, я выброшусь из окна.

Я перестаю перебирать платья, висящие на стойке. Ни одно не подходит. Они все хороши в своей неприметности, но их дизайнер имеет дурную привычку делать экземпляры больших размеров просто на несколько сантиметров шире вместо того, чтобы учесть, насколько сильно изгибы моего тела отличаются от сорок второго размера. Говорили, что в весенней коллекции с этим стало лучше, но, по всей видимости, меня ввели в заблуждение.

Мое раздражение утихает, когда я слышу, как ругается сестра у меня за спиной. Все присутствующие в магазине, конечно, уже обратили на нее внимание. Меньше всего нам нужен очередной скандал, особенно сейчас. Сплетни о нас с Эросом не угасают. Месяц в Олимпе выдался скучным на события, да и фотография была хорошим толчком, чтобы запустить фабрику сплетен. Но они прекратятся, особенно если мы будем помалкивать и не высываться. Эрос скрылся от общественности, что умно с его стороны. Мне такой вариант недоступен, поэтому остается продолжать жить так, будто я не являюсь объектом всеобщих домыслов.

А это означает, что сегодня мы ходим по магазинам.

Но мне не повезло, что старшая сестра ощутила желание позаботиться обо мне и решила пойти вместе со мной. Я оборачиваюсь и бросаю взгляд на Каллисто. Как всегда, она в своем гранжевом образе, отчего похожа на модель, взявшую выходной. У нас одинаковые темно-каштановые волосы и карие глаза, но красота Каллисто может ранить, а моя более мягкая. Сестре никогда не приходилось иметь дело с попытками матери *осторожно* склонить тебя попробовать новую диету, но обида, которую я испытывала из-за наших различий, давно в прошлом.

А вот ее чертово безрассудство нет.

Я прохожу в зону ожидания, где она сидит, развалившись на диване, и наклоняюсь к ней.

– Говори потише.

Каллисто прищуривается.

– Какая разница, если эти кретины нас услышат. Я всего лишь говорю правду.

Прошло два с лишним месяца после «случайной» смерти Зевса, но Олимп все не смолкает. Шутить на эту тему следующие лет двадцать будет проявлением дурного тона, но сейчас это отличный способ создать шумиху, которая нам точно не нужна.

Дочери Димитрию насмеяются над смертью прежнего Зевса!

Тогда мама может действительно исполнить одну из своих многочисленных угроз и начать выкидывать разочаровавших ее дочерей из окон. Уверена, что Персей, то есть Зевс, был бы от этого в восторге. Нам даны строгие указания не злить его, но Каллисто, по всей видимости, восприняла их как вызов и теперь хочет понять, как далеко она сможет зайти. Это вызвало бы у меня лишь легкое раздражение, но сейчас к нам приковано слишком много внимания. До сих пор не могу поверить, что мне хватило глупости попасться наедине с сыном Афродиты. Я как минимум трижды выслушала от матери нотации о своей безответственности и том, как это повлияет на мои перспективы брака с Зевсом.

На мой взгляд, едва ли можно считать большой потерей, если мое имя будет вычеркнуто из списка потенциальных спутниц Зевса, но мне хватает ума не говорить об этом вслух.

Чего не скажешь о моей сестре.

Я наклоняюсь ближе и понижаю голос.

– Ты же знаешь, что за нами сейчас все наблюдают. Прекрати подливать масла в огонь.

Каллисто приподнимает брови.

– Если бы ты перестала со мной нянчиться, я бы сделала что-нибудь, чтобы отвлечь от тебя внимание. Без проблем, мне бы даже понравилось.

– Нет, Каллисто. – То, что она считает помощью, обычно оказывается чем-то противоположным. И хотя понимаю, что не стоит, все же не могу не спросить: – И что бы ты сделала?

– Ой, я об этом не думала. Наверное, толкнула бы Афродиту под машину. Может, мне повезет и ее ублюдок-сын будет с ней. Два по цене одного.

Конечно. Не знаю, зачем вообще спросила.

– Если разозлишь Зевса и маму, то разбираться с последствиями придется мне. Прошу, не надо – ради меня.

Она открывает рот, готовая возразить, но колеблется и, в конце концов, чертыхается.

– Ладно. Буду хорошо себя вести, но я серьезно: не хочу идти на следующую вечеринку. С тех пор, как Персефона зажила счастливой замужней жизнью, мама больше не принимает мои отговорки.

Я не напоминаю, что после переезда Персефоны в Нижний город прошло уже несколько вечеринок, и Каллисто никогда не позволяла матери управлять собой. Она делает это ради меня, чтобы мне не пришлось оказаться одной в логове гадюк. Только она способна помочь мне. Эвридика слишком хрупка, чтобы выносить подлость этого города, с тех пор, как Орфей разбил ей сердце, да и раньше у нее это плохо получалось. Она склонна верить всем на слово и остается наивной в окружении людей, которые врут так же легко, как дышат.

У Каллисто с этим нет проблем. Напротив, она может пырнуть кого-то салатной вилкой или толкнуть под колеса машины. Первое уже случилось, и поэтому мать в последнее время позволяла ей оставаться дома. И кстати...

– Как там Арес? Не видела никаких упоминаний о нем на MuseWatch. – И на последней вечеринке его тоже не видела.

– Уверена, с ним все в порядке. Рана была поверхностная. – Каллисто смахивает волосы с плеча. – Если бы он не назвал Персефону ветреной ш... – Она чертыхается. – Я не стану это повторять. Если бы он не оскорбил нашу сестру, не возникло бы никаких проблем.

– Это всего лишь слова, и Персефоне плевать, что о ней думают на этой стороне реки, за исключением мнения членов семьи, конечно.

– Ей плевать, а мне нет. – Каллисто рассматривает ногти. – Пусть люди сражаются только на словах, но, в конце концов, они поймут, что я этим не ограничусь.

– Словесные оскорбления и нападение – не одно и то же. – Хотя сомневаюсь, что мама отнеслась к этому вопросу так же, как к... промахам Каллисто... в прошлом. Будь это так, она бы еще говорила об этом, но после воспитательной беседы тема больше не поднималась.

– Разве? – Пожимает плечами сестра. – Так и не скажешь.

До Каллисто не достучаться. Может, она и согласилась посещать вечеринки, на которые мама не перестает нас таскать, но сестра никогда не играет по правилам. До сих пор не понимаю, как ей это удается, но я на такое не способна.

– Если отойду примерить несколько платьев, ты будешь прилично себя вести?

Она пожимает плечами.

– Здесь меня никто не бесит, так что вероятность конфликта невелика.

Пока обстоятельства не поменяются. Я выпрямляю спину.

– Есть такая вещь, как самообладание. Тебе стоит как-нибудь попробовать. Возможно, тебе даже понравится.

Сестра смеется. Пусть к людям вне нашего семейного круга она относится почти агрессивно, но смеется она как ангел или, вернее, сирена. Замечаю, что продавщица с интересом посматривает в нашу сторону, и едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

– Я быстро.

– Хорошая мысль.

Беру с вешалки наиболее подходящие варианты и иду в примерочную. Кабинки достаточно просторные, чтобы в каждой могло поместиться несколько человек, и это разумно, учитывая, что многие представители верхушки Олимпа выбирают одежду советуясь. Возможно, я бы тоже так делала, если бы кто-то из моих сестер проявлял интерес к моде. Каллисто пренебрегает этим, а Эвридика одевается во что попало. Персефона – единственная, кому это немного нравилось, но наши совместные походы по магазинам остались в прошлом. Теперь она слишком занята, управляя половиной города вместе с мужем.

Я не завидую счастью Персефоны. Правда. Но скучаю по ней. Ее визитов на эту сторону Стикса недостаточно, и мама недовольна, что Эвридика так часто ездит в Нижний город. Если и я начну, у нее может сорвать крышу. Особенно сейчас.

Нет, как бы там ни было, мои возможности ограничены.

Я раздеваюсь и примеряю первое платье. Как и подозревала, сидит оно ужасно. Облегает там, где не надо, и висит мешковато там, где висеть не должно. Вздохнув, разочарованно снимаю его.

– Отвратительно. Я ожидала лучшего от Талии.

Замираю, начав вешать платье на вешалку. Мне знаком этот голос, и, убеждая себя, что это невозможно, смотрю в зеркало и встречаюсь взглядом с Гермес. Эта миниатюрная чернокожая женщина любит носить причудливые очки в широкой оправе и обладает даром преобразования. Сегодня на ней ярко-красные очки, фиолетовые блестящие брюки, оранжевая толстовка с изображением кошки с выпученными глазами и красные кеды. Будучи одной из Тринадцати, можно делать все, что пожелаешь, а людям остается с этим соглашаться. Таковы преимущества власти. Похоже, Гермес меньше всего волнуется, что о ней думают окружающие. Кажется, ей нравится повергать людей в шок и бросать вызов. Этого достаточно, чтобы она вызвала у меня интерес, но она одна из Тринадцати, а потому стараюсь держаться от нее подальше.

Но не сейчас.

Я не пытаюсь прикрыться и не краснею, не выдавая, что нахожусь в замешательстве.

– Здравствуй, Гермес.

– Привет, Психея. – Она наклоняется и смотрит на мою грудь. – Это бюстгальтер от Джульетты? Изумительный. И я так говорю не только из-за впечатляющего размера твоей груди.

Я стараюсь сохранять спокойствие. Мне нечасто доводилось общаться с Гермес, но во время тех нескольких разговоров, которые у нас с ней состоялись, чувствовала, будто иду по минному полю с завязанными глазами. Она нравится Персефоне, но у Персефоны теперь достаточно власти, чтобы общаться с Тринадцатью, не боясь последствий. Мне не так повезло. Для появления здесь Гермес нет объективных причин, но вопреки всему надеюсь, что ее привело сюда простое любопытство, а не обязанности.

– Чем могу помочь?

– Может, я просто хочу поболтать.

Это меня не успокаивает. Я замечаю ее озорной взгляд.

– В самом деле?

– Нет. – Она широко улыбается, заметив выражение моего лица. – Ладно, да, ты меня поймала. Я по официальному делу. У меня для тебя сообщение.

Черт побери, этого и боялась.

– Сообщение, которое не могло подождать, пока я оденусь.

Она пожимает плечами.

– Прости, милая. Оно помечено как срочное. Ты же знаешь, как все устроено.

Знаю, в теории. Я всегда обходила ловушки, которые расставляет элита Олимпа. Я тоже обладаю долей власти, раз моя мать Деметра, но действительность гораздо сложнее. Даже среди Тринадцати существует иерархия. Наследные титулы: Зевс, Аид и Посейдон – стоят отдельно. Статус остальных колеблется в зависимости от года, сезона, а порой и недели. Старшинство имеет значение, как и обязанности, связанные с титулом, – пример тому Арес и армия Олимпа.

Учитывая заключенные союзы, постоянные распри и мелкие обиды, стоит сделать одно неверное движение – и половина Олимпа ополчится против тебя.

Мы все видели, как это происходило с Гераклом. Будучи членом семьи Зевса, он должен был оставаться практически неуязвимым, но слишком усердствовал, пытаясь раскрыть темные тайны блистательного Верхнего города. В результате от него отвернулись все. По официальной версии он покинул Олимп по собственной воле, но, судя по тому, что теперь все боятся даже упоминать его имя, эта история говорит о другом.

Стоит перейти дорогу Тринадцати – и тебя сотрут с лица земли.

Я сдерживаю вздох.

– Хорошо, послушаем это сообщение.

Гермес выпрямляет спину и прокашливается. Когда она начинает говорить, с ее губ срывается мужской голос.

– Это все еще не скоро успокоится. Есть только один способ удержать наших матерей от войны. Встретимся сегодня вечером в «Эребусе». Приходи одна.

Я знаю этот голос.

– Эрос. – О чем он только думал? Нельзя, чтобы нас видели вместе. Папарацци, которые снабжают MuseWatch, обязательно узнают об этом, даже если мы встретимся там, где ни он, ни я обычно не бываем. Попастись во время случайной встречи – одно дело. Но если нас поймают снова, это разожжет адское пламя сплетен.

– Почему ему просто не позвонить мне, если он хочет поговорить?

Гермес вскидывает брови.

– И рисковать, если ты решишь записать разговор и использовать против него?

В ее словах есть смысл, но все же...

– В любом случае ничего не мешает мне это сделать.

– Может, он тебя обыщет – в очень сексуальной манере. – Гермес встает на цыпочки. – Знаешь, я должна спросить. Вы трахались в той уборной на вечеринке две недели назад?

– Нет. – Я вспоминаю Эроса в окровавленной рубашке, когда он произносит низким голосом: *«Это кровь красоты, которая задавала слишком много вопросов»*. Он подручный Афродиты. Неужели она решила, что я представляю проблему, которую нужно устранить?

Нет, это лишено всякого смысла. В Олимпе существуют тысячи способов уничтожить кого-то без необходимости причинять физический вред. Даже будучи дочерью Деметры, я вряд ли неуязвима, и если бы Эрос хотел меня устранить, мог бы это сделать. Не назначая личную встречу.

Я не думая примеряю следующее платье. Оно так же ужасно, как и первое. Боги, ненавижу, когда дизайнеры ленятся. Сосредоточившись на этом, прихожу в себя и, когда вновь поворачиваюсь к Гермес, больше не рискую потерять самообладание.

– Полагаю, ответ ему не нужен.

– Нет. Ответом будет твое присутствие на встрече сегодня вечером – или отсутствие, смотря по обстоятельствам.

Я должна прийти. У меня нет выбора. Он прав: нам нужно поговорить о том фото и наших планах. Если Афродита злится из-за всего этого так же сильно, как моя мать, стоит предложить желтой прессе другой объект внимания, чтобы они забыли о нас и нашем запретном романе.

И все же... мы не можем допустить, чтобы появились новые фото, показывающие нас вместе. Назначенное Эросом место находится в Верхнем Складском районе, который большинство из Тринадцати обходят стороной, а значит, это делает и большинство папарацци. Все должно пройти хорошо, но это не означает, что мне можно расслабиться.

Я думаю о Гермес. Пользоваться ее услугами опасно. Ее заботят только она сама и, возможно, Дионис, а значит, не могу рассчитывать, что сообщение будет сохранено в тайне. Ей ничто не мешает выйти на сцену в каком-нибудь караоке и пропеть грязные тайны всех собравшихся в зале, что, по слухам, она и сделала примерно через год после того, как стала Гермес. До того момента никто не воспринимал ее всерьез, но после все увидели, какую она представляет угрозу.

Это наводит меня на мысль...

– Гермес, не хочешь поучаствовать в небольшой дружеской афере? В рамках твоих профессиональных обязанностей, разумеется.

Она лукаво улыбается.

– А знаешь, вы, женщины Димитриу, не перестаете меня удивлять. Я даже готова поучаствовать в этой дружеской афере бесплатно.

Не знаю, хорошо это или плохо, но я не из тех, кто смотрит дареному коню в зубы.

– Сегодня ты будешь веселиться.

– Я и так собиралась. У Диониса появился отличный новый товар, который мне не терпится попробовать.

Я не обращаю внимания на ее комментарий.

– Сходи куда-нибудь и опубликуй об этом пост. Отметь свое местоположение. Заставь всех поверить, что я с тобой. А потом устрой им веселую погоню. – Нет лучшего алиби, чем один из Тринадцати. Кто назовет Гермес лгуньей? Никто. Во всяком случае, не в лицо. Если папарацци будут гоняться за Гермес, думая, что я с ней, то не станут рыскать вокруг Верхнего Складского района. И мы с Эросом сможем спокойно поговорить.

– Считаю, что все сделано. – Она качает головой. – С тобой и твоими сестрами в Олимпе никогда не бывает скучно.

– Я бы обошлась без этих волнений. – Не хотела этого говорить, но произнесла слова вслух, не могу их вернуть.

Гермес идет к выходу из примерочной.

– Выше голову, Психея. Ты умная девушка. Уверена, ты сумеешь взобраться на самый верх. – Она открывает дверь и оборачивается, чтобы взглянуть на меня. – Может, даже на

Эроса. На этот раз по-настоящему. – Но не успеваю я придумать ответ, как она уходит, и я слышу лишь отголоски ее смеха.

Даже к лучшему. Что я должна на это ответить? Может, Эрос и великолепен, как бог, но он чудовище. Он мой враг.

Хочу позвонить Персефоне и спросить ее мнение, но если втяну в это сестру, то не успею положить трубку, как она ворвется в мою дверь и начнет угрожать Эросу. Лучше позвоню ей утром и обо всем расскажу, когда выясню, что он хочет мне предложить. Возможно, мы найдем решение, которое удовлетворит обе стороны.

А трепет у меня в животе, конечно, из-за стресса.

И вовсе не оттого, что я с нетерпением жду возможности снова увидеть Эроса.

Глава 5

Эрос

Я прибываю на место встречи на час раньше, чтобы осмотреться. «Эребус» – небольшой захолустный паб на границе Складского района Верхнего города. Даже располагаясь на северной стороне Стикса, этот район разительно отличается от тщательно спланированной центральной части города, в которой живет большинство из Тринадцати. Близость к бизнес-центру Зевса, башне Додоны, считается показателем статуса, и все улицы в окружающих кварталах представляют холодное сплетение бетона, стали и стекла. Однообразное, но вполне привлекательное, если вам такое по вкусу.

Территория вокруг Складского района Верхнего города – место, куда люди отправляются, чтобы немного развлечься, когда у них нет сил или смелости перейти через реку, чтобы попасть в Нижний город. Здесь правит Дионис, и кругом порок. К тому же, находясь в этом районе, люди склонны смотреть на все сквозь пальцы и не совать нос в чужие дела, что соответствует моим целям.

Нужно действовать осторожно. Бар небольшой, но он втиснут в пространство между двумя зданиями, так что в нем достаточно углов и закоулков, в тени которых расставлены столики. Я занял один из них в задней части зала и щедро заплатил бармену, чтобы во время предстоящей встречи он делал вид, будто ничего не замечает.

Не имеет значения, что подразумевает это задание и чего хочет моя мать, у меня нет желания мучить Психею. Уверен, что Афродита хотела бы, чтобы я затащил ее в темный переулок и принялся за работу тупым ножом, но Психея почувствует лишь сонливость, а за ней ничего.

Это меньшее из того, что она заслуживает.

Я откидываюсь на спинку стула. Сейчас не время для сомнений, чувства вины и прочей ерунды. Я поступал хуже и с хорошими людьми, а все потому, что они мешали моей матери или она считала, будто они угрожают ее положению. Общественность может полагать, что убийство – большее зло, но люди не представляют, как у молодого, подающего надежды человека воз-

можно отнять все. Красоту, статус, уважение сверстников. Так чертовски просто разрушить чужую жизнь, если обладаешь нужной информацией и ресурсами.

Но не могу убедить себя, что убийство Психеи – это милосердие.

Раньше такого со мной не бывало. Я преследовал тех, кто этого заслуживал, людей, которые угрожали моей матери. Я был охотником на монстров, которые намеревались причинить вред моей семье. Пока однажды не поднял взгляд и не осознал, что я – величайший монстр из всех. Я пожертвовал слишком многим, стер все границы, чтобы мораль стала для меня лишь словами.

Обратного пути не было.

Его и нет.

Я знаю, когда Психея входит в бар. Немногочисленные посетители замолкают и насто-раживаются. Даже в джинсах и черном пальто до колен она достаточно красива, чтобы все поворачивали шеи. Она неспешно идет через бар, осматривая каждый столик, пока ее карие глаза не останавливаются на мне.

Хорошо, что нас разделяет приличное расстояние, потому что я делаю глубокий вдох, оказавшись в центре внимания этой женщины. В ночь вечеринки я был слишком рассеян и не смог в полной мере оценить эффект ее присутствия. Но, даже страдая от боли и вне себя от злости, оценил, как серое платье облегло ее пышную фигуру и открывало соблазнительный вид на ее грудь.

Особенно когда она наклонялась, чтобы перевязать мои раны.

Сосредоточься.

Она подходит к столику и, не колеблясь, садится напротив. Как ни странно, мне нравится, что она не съеживается и не вздрагивает. Психея вошла сюда уверенно, и у меня возникает чувство, что во всех ситуациях она ведет себя так же. Чертовски жаль, что дерзость не поможет ей пережить эту ночь.

– Психея.

– Эрос. – Мгновение она задумчиво смотрит на меня. Вспоминая, возможно, как я выглядел, когда мы говорили тогда. Единственный раз, если не считать немногочисленных приветствий на различных вечеринках. Даже будучи детьми Тринадцати, мы едва ли чем-то связаны. Женщины Димитриу держатся особняком. Еще одна их особенность, которая приводит Афродиту в бешенство.

Психея неторопливо откидывается на спинку.

– Люди отправляют мне имейл, когда хотят встретиться. А ты настолько ловкий, что можешь раздобыть мой номер телефона. Зачем связываться с Гермес?

Потому что электронную почту могут взломать, а телефон отследить. Неважно, что остальные думают о Гермесе, она серьезно относится к своему титулу и обязанностям. Если послание должно оставаться тайным, таким оно и останется. Даже обладатели наследного титула не могут заставить ее поделиться сообщением.

Если Психея будет убита, не хочу, чтобы что-то указывало на мою причастность.

Если? Какое, к черту, «если»? Ее судьба была решена, когда моя мать потребовала ее сердце. Нет, раньше, когда Психея проявила ко мне доброту, несмотря на то что все остальные на вечеринке отвернулись бы от меня. Даже мои друзья сделали бы вид, что не замечают ни крови, ни моей хромоты. Мы все делаем вид, что я всего лишь неуправляемый сын Афродиты. Слишком раскованный в своем обаянии и непостоянный, чтобы связать себя даже подобием обязательств.

Никто не говорит, что еще я делаю для своей семьи.

Или о том, кто за все расплачивается.

Нет никаких сомнений, какую мне сегодня придется заплатить цену. Есть лишь один путь. Хотя не скажу, что не делал чего-то хуже. Мои руки покрыты кровью врагов матери, как

реальных, так и мнимых. Я давно примирился, что никогда не смогу их отмыть. И больше не собираюсь вести битву за святость. Меня ждет Тартар.

Я подаюсь вперед и ставлю локти на стол.

– Уверен, Гермес уже сказала тебе, что я предпочитаю поговорить лично.

– Она упоминала об этом. – Психея сбрасывает пальто, под которым оказывается тонкий черный свитер, идеально облегающий ее грудь. – Как твоя грудь?

Я моргаю.

– Что?

– Твоя грудь. Та, что две недели назад была усыпана порезами. – Она кивает в мою сторону. – Тебе удалось найти врача?

Не успев подумать, я тянусь рукой к груди.

– Да. Все было не так плохо, как казалось.

– Повезло.

– Конечно. Повезло. – Виной тому моя ошибка. Если бы не поторопился, чтобы вовремя прийти на вечеринку, то не ослабил бы бдительность и не позволил отцу Полифонты нанести мне так много ударов. – Но все же я вышел из боя живым. Это удалось не всем.

Психея медленно вздыхает.

– Например, красотке, которая задавала слишком много вопросов?

Точно. Я так ей и сказал, да? Я не стараюсь улыбнуться.

– Моей матери не нравятся многие красивые девушки в Олимпе. – Красивые люди, если быть точнее. Пол не имеет такого значения, как красота и внимание. Афродита хочет заполучить львиную долю и того, и другого.

– Кто это был?

– Не важно.

Психея отвечает мне печальной улыбкой.

– Сделай одолжение.

Я действительно имел это в виду, когда сказал, что это не важно. Это ее не спасет. Не изменит того, что произойдет этой ночью.

– Полифонта.

Психея хмурится.

– Мне незнакомо это имя.

– У тебя нет причин его знать. – Полифонта не поднялась по социальной лестнице настолько высоко, чтобы посещать вечеринки в башне Додоны. Но достаточно, чтобы подвергнуть себя опасности. Дурочка, которая думала, что сможет тягаться с Афродитой без всяких последствий. Даже если бы она не перешла дорогу моей матери, то довела бы до убийственной ярости кого-то другого. Она была слишком болтлива и неосторожна.

– Эрос... – Психея качает головой, выражение ее лица становится закрытым. – Ладно, думаю, это правда не важно.

Мне отчаянно хочется узнать, что она собиралась сказать. Хотела сообщить, что заметила, как я пялюсь на ее рот? В ответ на мой взгляд она прикусила губу. Думаю, она даже не осознала этого. Как и не осознала, что несколько секунд смотрела на мои губы, пока не опомнилась. Будь все иначе, я бы, возможно, ее поцеловал.

Быть может, усадил к себе на колени и развеял всю ее настороженность.

Поцелуем, а потом неспешным соблазнением, которое подарило бы нам обоим огромное удовольствие.

Мотаю головой. О чем я думаю, черт возьми? Даже если бы переступил эту черту, только усугубил ситуацию.

– Ты права. Это неважно.

– Как я и сказала. – Она прокашливается и выпрямляет спину. – Ладно, давай переходить к делу. Ты хотел встретиться, чтобы обсудить, как отвлечь от нас внимание прессы. От тебя, если говорить конкретнее. Уверена, Афродита не в восторге от этой ситуации, а ты разбираешься в подобных вопросах не так хорошо, как я. У меня есть пара идей.

Я моргаю.

– Что-что, прости?

– Мы же для этого встретились, разве нет?

Я, наверное, убью Гермес за то, что навела ее на такие мысли. Я сказал ей любыми способами заставить Психею прийти сюда, но не ожидал, что та использует доброту Психеи против нее же самой. У меня сводит живот.

– Ты пришла, думая, что мне нужна твоя помощь, чтобы заставить прессу переключить внимание на кого-то другого. – Будто я сам раньше этого не делал.

Она поспешила сюда, без раздумий бросившись в мою ловушку, потому что решила, будто мне нужна ее помощь.

Кажется, меня сейчас стошнит.

Психея замирает.

– А разве мы не поэтому встретились?

– Нет, – отвечаю я почти с нежностью. Боги, как сейчас себя ненавижу. – Мы встретились по другой причине.

Она прокашливается.

– Значит, ты здесь, чтобы выполнить задание.

– Да. – Это слово звучит как извинение.

Мгновение тишины. Еще одно. Она выпрямляется.

– Не может же она так злиться из-за одной фотографии?

– На самом деле...

Психея продолжает, будто я ничего не говорил.

– Хотя, с другой стороны, думаю, все не так просто. Они с моей матерью враждуют уже десять лет, и Афродите не нравится, что Деметра наступает ей на пятки. Полагаю, причины не важны. Суть в том, что у нее нет возможности сломать мне жизнь. У меня нет скелетов в шкафу. А значит, она их придумает. – Психея скрещивает руки на груди. – И каков план? Выдумашь какой-нибудь секс-скандал? Может, попытаешься изгнать меня. Удачи с этим. Моя мама этого не потерпит.

Она не воспринимает происходящее всерьез, а мне это вдруг становится необходимо. Не знаю зачем. Когда она не думает, что это вопрос жизни и смерти, это значительно упрощает мою задачу. Я не замечаю, как говорю ей правду.

– Афродита не хочет ломать твою жизнь. Она хочет твоей смерти.

Я ожидаю, что она заплачет. Будет умолять. Может, попытается сбежать. Но она этого не делает.

Выдержав паузу, чтобы взять себя в руки, Психея расправляет плечи и смотрит мне в глаза.

– Эрос, ты производишь на меня впечатление умного человека.

– Спасибо, – сухо отвечаю я.

Знал, как пройдет этот разговор, но Психея повела себя не так, как ожидал. Вопреки здравому смыслу, любопытство грозит пробиться сквозь мою решимость довести дело до конца. Я понимал, что она не такая, как все, с кем прежде имел дело. Подозревал, что она не простая, но даже не догадывался насколько.

– Ты понимаешь, кто стоит на моей стороне. Если тронешь меня, Персефона разорвет тебя на миллион кусочков, а Аид встанет рядом, чтобы никто не помешал ей это сделать. – Она наклоняется вперед, и я, не сдержавшись, смотрю, как ее грудь выпирает через треугольный

вырез свитера. – Я не говорю о том, что сделает моя мать. В отличие от Афродиты Деметра не боится испачкать руки, когда этого требует ситуация.

– Хочешь сказать, что твоя мать убила последнего Зевса?

– Нет, конечно, – фыркает она. – Это ничем не подкрепленный слух, и ты это знаешь. Давай не будем делать вид, будто твоя мать не ухватилась бы за эту историю, будь у нее какие-то доказательства.

Она права. И все же кажется странным, что она не стала прямо утверждать, будто Деметра невиновна. Официальная версия гласит, что Зевс *случайным* образом разбил окно в своем кабинете и *случайно* разбился насмерть, но все знают, что это выдумка.

Хотя все это не имеет значения.

Ситуация стремительно выходит у меня из-под контроля.

– Психея...

– Я не закончила. – Она смотрит на напиток, который я ей заказал, – тот, где содержится снотворное, способное вырубить ее так, что она не почувствует боли. – Есть еще один момент, который ты должен учесть, прежде чем мы продолжим. Моя мать устраивает мне брак с Зевсом. Не думаю, что он поблагодарит тебя за убийство будущей Геры.

Ко мне приходит понимание, принося такое жаркое разочарование, которого хватит, чтобы спалить меня дотла.

– Если бы это было решено, мое задание бы отменили. – Даже Афродита не посмела бы угрожать будущей Гере.

– Возможно, но риск все равно велик. Как я сказала, ты показался мне умным парнем, а значит, наверняка уже подумал об этом.

Двусмысленный комплимент. Вопреки здравому смыслу я восхищаюсь Психеей. Она пришла сюда, ожидая одного, но быстро перестроилась и теперь близка к тому, чтобы меня перехитрить.

– Я бы оказался не таким умным, если бы не сделал этого, верно?

– Именно. – Психея склоняет голову набок. – Учитывая все сказанное, у меня есть к тебе вопрос.

Выругавшись, откидываюсь на спинку стула и машу рукой.

– Ни в коем случае не позволяй мне прервать твой блистательный монолог.

– Спасибо. – Она одаривает меня легкой улыбкой, которая почти подавляет страх, скрывающийся в ее карих глазах. У меня было много предположений об этой женщине, когда ее семья только появилась на горизонте десять лет назад. И казалось, что за последующие годы эти предположения только подтвердились. Но после того, как она помогла мне на вечеринке, и этого разговора вынужден признать, что, возможно, был в корне неправ.

Она не бездарный инфлюенсер, чье единственное занятие – тратить деньги матери и делать красивые фотографии для подписчиков. В ее хорошенькой головке скрыт ясный ум, и она использует все его возможности, пытаясь выбраться отсюда живой.

Психея заправляет прядь темных волос за ухо.

– Если стабильность настолько важна, что Деметра, Аид и даже Зевс заинтересованы в ее поддержании, неужели ты правда думаешь, что они останутся в стороне и позволят твоей матери беспрепятственно вершить свою мелочную месть? Они могут смотреть сквозь пальцы, когда целью оказывается кто-то не из их ближайшего окружения, но я не бедная светская львица, о которой никто раньше не слышал. Я дочь Деметры. Если причинишь мне вред, они примут меры. Они уничтожат ее и тебя вместе с ней.

Она не ошибается. Когда большинство из Тринадцати объединяются, то становятся неуправляемой силой. Чертовски жаль, что для сидящей напротив меня женщины это ничего не изменит.

– Занятная история. Даже если это правда, это не имеет значения.

От этих слов ее улыбка меркнет.

– О чем ты? Я только что перечислила имена ключевых фигур города, и полагаю, что Посейдон их тоже поддержит, потому что терпеть не может нечестную борьбу за положение. Итого все три наследных титула. Твоя мать достаточно умна, чтобы понимать, когда ее переиграли. Да и ты, конечно, тоже. Ни один здравомыслящий человек не пошел бы этим путем при таком раскладе.

Я сдерживаю вздох. В этом-то все и дело.

– С твоей стороны весьма смело предполагать, что моя мать в ладах со здравым смыслом. Ты ее вообще знаешь?

Психея открывает рот, похоже, обдумывая, что собиралась сказать, и хмурится еще больше.

– Я считала, что эта мелочность и мстительность – притворство.

Моя жизнь была бы гораздо проще, если бы так и было и моя мать жила не ради того, чтобы увидеть как все, кто перешел ей дорогу, падут.

– Она способна справиться с последствиями. – Так или иначе. Не знаю, как ей это удастся. Но не сомневаюсь, что она бы ответила, заикнись я об этом.

Твоя работа состоит не в том, чтобы думать, сын. А чтобы наказывать тех, кого я хочу наказать.

Убей девочку и таким образом вырежи сердце и у Деметры.

Психея бледнеет сильнее.

– Ты всерьез.

– Да.

– Я только что сказала, что могу направить против тебя большую часть Тринадцати, но не имеет значения, что я предприму, потому что женщину, которая отдает тебе приказы, личная месть волнует больше, чем жизнь ее сына. – Она смотрит на меня, ища в моем лице что-то, чего никогда не найдет. – Это из-за нее ты так спешил на вечеринку, ведь так? Из-за нее не стал искать врача? Держу пари, она была в ярости, что ты опоздал.

Психея подобралась близко к истине.

– Это неважно.

– Конечно, важно. Ты был ранен. Даже моей матери со всеми ее махинациями и жестокостью было бы не все равно, если бы кто-то из нас пострадал.

Я одариваю Психею долгим взглядом.

– Я бы сказал, что это подтверждает мою позицию, а не твою. Но это неважно, потому что никто не обвинит меня. Ты об этом позаботилась. – Я достаю телефон, нахожу нужное приложение и открываю. Затем кладу телефон на стол между нами. Психея наклоняется, пролистывает несколько постов, бледнея все сильнее. Я знаю, что она увидит. Гермес с Дионисом и пышная брюнетка отрываются где-то в городе. Лицо брюнетки ни разу не попадает в кадр, но она достаточно похожа на Психею и фигурой, и прической, чтобы все поверили, что это она. – На всех фотографиях стоят тэги и отметка о времени. Никто не знает, что ты здесь.

– Гермес знает.

– Гермес ведет свою игру. Она не на твоей стороне. Она ни на чьей стороне, кроме своей собственной. – Я забираю телефон. – И не станет рассказывать правду по тем самым причинам, которые ты только что перечислила. Она так же заинтересована в стабильности, как Зевс и все остальные, и не выдаст информацию, которая может развязать войну. – Гермес настолько непостоянна, что в обычной ситуации я бы не стал делать вид, будто знаю, в каком направлении она двинется, но *это* знаю наверняка.

В конечном счете она служит Олимпу, как и все из Тринадцати.

У Психеи слегка дрожит нижняя губа, но она предпринимает попытку это скрыть.

– Ты заслуживаешь лучшего, чем быть оружием своей матери, Эрос.

– Не пытайся воззвать к моей человечности. Ее во мне нет.

Она наклоняется и понижает голос, ее карие глаза полны мольбы.

– Я помогла тебе две недели назад. Я была не обязана это делать, и мы оба это знаем. Возможно, в тебе нет человечности, но ты наверняка веришь в закон равновесия. Неужели ты готов отплатить мне за помощь жестокостью только потому, что что-то разозлило твою мать?

– Психея. – Черт подери, не стоило произносить ее имя. Слишком приятно это делать, и я начинаю желать то, что для меня не предназначено. – Перестань. Что бы ты ни сказала, это ничего не изменит.

Впервые с тех пор, как она присела за столик, в ее глазах пробуждается настоящий страх. Она пришла сюда, готовая помочь сыну врага, и предложила впечатляющие аргументы, которые сработали бы, если бы на моем месте был кто-то другой, а сама она не стала орудием собственной гибели, потому что доверилась мне настолько, что даже придумала себе алиби. Мне давно никто не бросал вызов, не пытался оказать сопротивление или переиграть меня.

И давно никто не проявлял ко мне доброты.

Неожиданно я тянусь через стол и накрываю ее ладонь своей. У нее поразительно теплая кожа.

– Должен сказать, что это была хорошая попытка. Ты сделала все, что могла.

– Удивительно, что мне от этого не легче. – Она смотрит на ладонь, к которой я прикасаюсь. – Лучше бы ты убрал руку. Едва ли мне нужно утешение от моего убийцы.

Ощувив непонятную боль, убираю руку и тру себе грудь, а чувство, которое испытывал, когда Психея заклеивала мои раны, становится сильнее. Что это, черт возьми? Конечно, не угрызения внезапно проснувшейся совести. Я не могу спасти эту женщину. Пускай я оружие своей матери, но далеко не единственное. Если откажусь сделать это, она пришлет кого-то другого, кому будет безразлично, что Психея напугана и умрет в муках. Ее убьют.

– Так ты и поступил с Полифонтой? Встретился с ней пропустить по бокальчику, а потом вывел на задний двор и убил? Она молодец, что оказала сопротивление, но, очевидно, безуспешно. Сколько раз ты это делал, Эрос? Неужели ты в самом деле хочешь так жить?

– Хватит. – Слово звучит резче, чем мне хотелось, но я знаю, что она делает, и это ничего не даст. Я не намеренно стал домашним монстром своей матери, но вот я здесь, и обратного пути нет. – Серьезно. Ты не сможешь отделаться болтовней.

Она проводит пальцами по волосам, выражение ее лица остается пугающе спокойным.

– Я хотела иметь детей. Теперь это кажется такой глупостью. Зачем желать принести детей в этот мир? Но я хотела. Думала, что у меня больше времени. Мне всего лишь двадцать три.

Черт.

– Хватит, – повторяю я.

– Почему? – Сквозь ее спокойствие прорывается резкость и злость. – Тогда я становлюсь больше похожа на человека? Так сложнее спустить курок?

Да. Мне и раньше все это стоило титанических усилий.

– Не имеет значения, чего я хочу. – Не собирался это говорить, впрочем, много чего не хотел говорить ей. Она чертовски отважная, и становится невыносимо оттого, что мне приказали погасить ее свет. Но другого выхода нет.

Хотя существует способ отплатить за ее доброту...

Нет. Ужасная идея и вряд ли надежная. Мать одержима мстостью. Она не допустит, чтобы что-то помешало мне наказать Деметру и Психею, устранив последнюю. Если попытаюсь помешать ей, она пойдет другим путем и все равно убьет Психею.

– Пообещай, что не причинишь вреда моим сестрам.

Я вырываюсь из этих предательских размышлений и смотрю на нее.

– Ты же знаешь, я не могу этого сделать. – Когда она прищуривается, я продолжаю: – Персефона защищена, насколько это вообще возможно, потому что замужем за Аидом, а никто не хочет, чтобы призрак Олимпа появился на пороге. Каллисто, скорее всего, в безопасности по той же причине – никто не станет иметь дела с этой свирепой девушкой. Она не играет по установленным правилам, и уже этого достаточно, чтобы заставить большинство ее врагов призадуматься. А Эвридика... – Я пожимаю печами. – Если она обоснуется в Нижнем городе, останется совсем немного тех, кто сможет до нее добраться. Вряд ли Персефона с Аидом позволят людям моей матери пересечь реку, чтобы те могли причинить ей вред.

– И мне должно стать от этого легче? Ты мог просто пообещать, что не тронешь их.

Я отвечаю ей многозначительным взглядом.

– Ты бы мне не поверила.

– Ты мог бы дать мне слово.

Знаю, что она все еще пытается предстать передо мной более человеческой, задеть мою несуществующую совесть, но когда в последний раз кому-то было не плевать на мое слово? Эта работа втоптала мое имя в грязь, пусть и заслуженно. Мне никто не доверяет, потому что стоит разозлить Афродиту, и ее воля возобладает над моей. Она указывает, и я делаю. Мое слово ничего не значит.

Быть может, именно поэтому вдруг спрашиваю:

– А если бы дал тебе слово, ты бы мне поверила?

– Да.

Возникает чувство, будто она потянулась через стол и ударила меня в грудь. В ее голосе не кроется и тени сомнения. Если бы дал ей слово, она бы мне поверила, так просто. Я смотрю на женщину, бросившую вызов всем моим ожиданиям. Отчасти я убедил себя, что ее забота обо мне в тот вечер была случайностью, чем-то несущественным. Но это была не случайность. И то, что она пришла сюда сегодня, это доказывает.

Психея – действительно хороший человек, которому удалось выжить среди лжи и жестокости Олимпа.

И моя мать хочет, чтобы я погасил ее пламя.

Я с трудом сглатываю.

– Серьезно?

– Да, – повторяет Психея. Она перестает дергать волосы и сосредотачивает на мне все свое внимание. – Так ты даешь мне слово?

Я медленно качаю головой.

– Я ничего не могу тебе обещать.

– Ох. – Разочарование, отразившееся на ее хорошеньком личике, пронзает меня, словно нож. Я не хороший человек. У меня никогда не было возможности им стать, и не могу сказать, что боролся с судьбой, когда передо мной развернулся этот путь. Но убить Психею? Мне и раньше было не по себе от этой мысли, но после нашего разговора становится физически плохо.

Я... не могу это сделать.

Возможно, у меня есть душа, пусть и запылившаяся, ведь мысль, чтобы оборвать жизнь Психеи, настолько отвратительна, что я готов совершить нечто непростительное. Делаю глоток водки с тоником, но обжигающий алкоголь не помогает рассеять мою решимость.

Безумный план, совершенно безрассудный. Бросить вызов моей матери – это риск, но я готов на него пойти. Психея уже дважды рисковала собой ради меня. Значит, могу пойти ей навстречу? Хотя я не такой хороший, как она. Во мне говорит вовсе не доброта. А настоящее, эгоистичное *желание*.

– Возможно, есть другой способ.

 ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ИДОЛ

Глава 6 Психея

Мне кажется особенно жестоким, что Эросу Амброзии было даровано лицо золотого бога, но не дано сердце. Он сидит, сумев отыскать единственный луч света в этой темной дыре, и смотрит на меня пустым взглядом светло-голубых глаз. Ни вины. Ни сочувствия. И никакого предвкушения того, что будет дальше. Жажды крови в его взгляде тоже нет, только усталость, будто он утомился от всего этого и хочет поскорее покончить с делом, чтобы поехать домой и поспать.

На его лице застыло такое же выражение, как и в тот раз, когда он благодарил меня за помощь.

Я не стану питать надежд, что он действительно предлагает мне выход из ситуации, но я близка к отчаянию, от чего становлюсь глупой. Мне казалось, что было очень умно организовать фальшивую встречу с Гермес, чтобы мы с Эросом могли придумать план. О чем я только думала? Нужно было сразу отправиться к Персефоне. То, что Эрос не повел себя со мной как настоящий монстр, не означает, что он не опасен.

Если бы я знала, что нахожусь в опасности, то помчалась бы в Нижний город и воспользовалась защитой Аида и Персефоны. Это стало бы временным решением, но, во всяком случае, тогда моя жизнь не закончилась бы этим вечером. Дополнительное время дало бы мне возможность придумать способ выбраться из этой ситуации, желательно без участия матери.

Если она узнает, что Афродита приказала меня убить, то обрушится на нее со всеми доступными ей средствами. А у моей матери достаточно сил. Она не убила прежнего Зевса лично, но точно организовала цепь событий, которые привели к его смерти. И именно из-за нее его смерть была признана несчастным случаем, а не убийством. Она помогла Аиду вернуться в общество. И обладает компроматом на Посейдона, что гарантирует, что тот будет поддерживать ее, по крайней мере в большинстве случаев. Но, даже располагая такой властью, она отбросит осторожность и может совершить любую глупость, например, попытается переехать Афродите на машине. Сделает что-то, что будет невозможно скрыть.

Если бы я только знала...

Хотя это неважно. Игра в «а вдруг» – верный путь к катастрофе. Я совершила ошибку. И незнание цены не освобождает меня от необходимости платить.

Эрос наблюдает за мной так пристально, что я почти забываюсь и хочу сделать глоток напитка, который ждал меня, когда я села за стол. Теперь, зная обо всем, не сомневаюсь, что он отравлен, хотя вопрос, содержит ли он смертельную дозу яда или только усыпит меня, остается открытым.

– Возможно, есть другой способ, – говорит он снова, будто убеждает нас обоих.

После всего он предлагает мне альтернативный вариант? *Почему?* Чтобы помучить меня? Мне хочется закричать ему в лицо, выплеснуть на него отравленный напиток и смотреть, как он стекает по его безупречному лицу. Возможно, мне повезет, жидкость обожжет ему кожу и отвлечет, чтобы я успела сбежать.

Обвожу взглядом бар. В нем стало еще темнее, чем было, когда я пришла. Посетители собираются. Это самое удаленное от сияющих улиц вокруг башни Додоны место, которое можно посетить, оставаясь при этом в Верхнем городе. А еще оно расположено в плохо знакомом мне районе. Вполне возможно, что все эти люди работают на Эроса – на *Афродиту*, и как только попытаюсь сбежать, поймают меня и притащат обратно.

Нет, у меня нет выхода, и мы оба это знаем. Я пытаюсь проглотить ком, вставший в горле.

– Какой другой способ?

– Он тебе не понравится.

Он говорит так категорично, что у меня вырывается смешок.

– Ну да. Ведь мысль, что меня убьют, нравится мне гораздо больше.

Наконец он берет себя в руки и говорит:

– Выходи за меня.

Я моргаю. Эти три спокойно сказанных слова не складываются в осмысленное предложение. Напротив, чем дольше они висят в воздухе, тем более непонятными становятся.

– Извини, я ослышалась. Готова поклясться, что ты только что сказал «выходи за меня».

– Так я и сказал.

В его глазах не отражается никаких эмоций, ничто не выдает, о чем он думает. Я достаточно проницательна. И даже у лучших лжецов есть слабые стороны, а я провела достаточно времени на вечеринках Олимпа, чтобы многому научиться. Это вопрос выживания. Я знаю, что Арес почесывает бороду, когда хочет кого-нибудь придушить. Знаю, что Персей – Зевс – становится более холодным, когда тянет с ответом. А последний Зевс становился более шумным и эмоционально демонстрировал радость, когда впадал в ярость.

Эрос ничем себя не выдает.

Забывшись, тянусь к напитку и отталкиваю бокал на дальний край стола.

– Это не смешно.

– А кто смеется? – Он вздыхает, будто устал от этого разговора. – Если подведу мать, будут последствия, а я не хочу ощутить их на себе. Я могу уйти отсюда, только убив тебя либо женившись.

У меня вырывается истерический смешок и, схватив *его* напиток, я выпиваю до дна. Водка с тоником. Ну конечно. Я вздрагиваю.

– Бред. Почему это единственные два варианта? Если ты не хочешь меня убивать, то наверняка можешь предпринять что-то.

– Не могу. – Я смотрю на него, и он слегка расправляет плечи. – Послушай, если я на тебе женюсь, этот брак привяжет меня к Деметре, как и тебя к Афродите. Она не сможет изгнать меня, не устроив при этом переполох, а если ты вдруг умрешь – не сумеет все убедительно отрицать. Если сыграем все правдоподобно, решат, что дети двух враждующих семей влюби-

лись друг в друга. Как показали две прошлые недели, пресса обожает хрень в духе Ромео и Джульетты.

– Не сказала бы, что ты убедил меня. Ромео и Джульетта умерли.

– Не придирайся к словам. Ты знаешь, что я прав.

Потираю горло, еще ощущая жжение от алкоголя, и пытаюсь придумать, как выпутаться из этой ситуации. Браки по расчету в Олимпе не редкость, особенно среди членов семей Тринадцати. Все постоянно борются за власть, создавая союзы, а скреплять союзы с помощью браков – древняя практика. Просто... Несмотря на интриги моей матери, я думала, что избегу замужества с человеком, который хочет причинить мне вред.

– Ты серьезно? – спрашиваю наконец.

– Да.

Ему незачем придумывать новую хитроумную ловушку. Он заманил меня в Верхний Складской район, а здесь полно переулков, в которых он может оставить мое тело, и никто никогда об этом не узнает. И я постаралась, чтобы это можно было сделать без последствий для него.

Эрос в самом деле предлагает мне выйти за него замуж. Он в чем-то прав. Если мы хорошо сыграем, то станем неуязвимы. В Олимпе мало что любят больше, чем сплетни. Наш тайный брак ввергнет город в хаос, люди будут готовы на все ради возможности оказаться первыми, кто объявит сенсационную новость. Шумиха из-за того снимка, не стихающая до сих пор, служит тому явным доказательством. Тогда привлечь людей на нашу сторону, заставить их поддерживать нас, будет проще простого. Если кто-то причинит нам вред, в Олимпе вспыхнет бунт, и даже Тринадцать не смогут его подавить. Они будут вынуждены отвечать на неудобные вопросы о том, что происходит вне поля зрения общественности, а этого не хочет никто.

Даже Афродита.

Да, план может работать. Остается только одна проблема. Я поджимаю губы и задумчиво смотрю на Эроса. Он привлекателен, но источает ауру опасности, которую не может развеять даже его внешность.

– Никто не поверит, что ты потерял голову и женился после бурного романа. Ты слишком холоден. Не играешь с прессой по правилам, за что она тебя недолюбливает.

– Я не играю по правилам, потому что это скучно, а не потому, что не могу.

Он уверен в себе, и я почти верю ему, но могу назвать с полдюжины вариантов, как наш план может провалиться. Знаю, что смогу притворяться. Я занимаюсь этим с тех пор, как моя мать стала Деметрой и заставила нас оставить безмятежную сельскую жизнь и перебраться в змеиное гнездо, которое представляет собой Олимп.

– Докажи.

Перемена происходит почти мгновенно. Эрос улыбается, и возникает ощущение, будто солнце выглянуло из-за облака. Улыбка согревает его взгляд и озаряет лицо. Он наклоняется над столом и берет меня за руки.

– Я люблю тебя, Психея. Давай поженимся.

По моему телу бегут мурашки, сердце ускоряет ритм, и я слышу стук в ушах. Даже зная, что это притворство, не могу контролировать свою реакцию.

– Думаю, сойдет, – говорю еле слышно.

Он немедленно меняется, холодность возвращается в его взгляд.

– Как и сказал, я могу притворяться.

Мне не хочется этого делать, но приходится выбирать между плохим и худшим вариантом. А значит, у меня вообще нет выбора. И все же не могу не спросить его:

– Зачем тебе это? Почему просто не сделать то, чего хочет твоя мать?

– В отличие от своей матери я в состоянии отбросить эмоции и подумать логически. – Я готова расхохотаться от этих слов. Не могу представить, чтобы Эрос вообще испытывал эмо-

ции. Он продолжает, внимательно за мной наблюдая: – Твоя мать слетит с катушек, если с тобой что-нибудь случится, перевернет город вверх дном, пока не найдет виновного. Существует вероятность, что она все же поймет, что след ведет ко мне. А это ничего хорошего мне не обещает.

Когда он это говорит, я начинаю понимать. Возможно, ему не под силу остановить свою мать, но он отдает себе отчет, что именно ему придется расплачиваться за последствия, если доведет дело до конца.

– Это единственная причина?

Он отводит взгляд, и это показывает, что он, возможно, не полностью владеет собой.

– Совести у меня нет, так что не выдумывай глупости.

– Конечно, – бормочу я.

– Паршиво поступать так с тобой после того, как ты мне помогла. – Он говорит так тихо, что его слова почти теряются в шуме бара.

Не могу решить, становится ли от его признания ситуация лучше или хуже. Очевидно, что не могу использовать его слова в качестве рычага давления, раз он так ясно выразил свои намерения. Неважно, что он считает такой поступок паршивым, он все равно его совершит. Я вздыхаю.

– Я соглашусь только при одном условии.

– Похоже, у тебя сложилось ошибочное впечатление, будто тут есть о чем торговаться. – Страх сдавливает мне горло, но я преодолеваю себя. Не могу позволить страху управлять мной. У меня есть лишь один шанс, и я должна получить от Эроса все возможные обещания.

– Мы оба знаем, что есть.

После долгой паузы он смотрит на меня и наклоняет голову.

– Какое у тебя условие?

– Ты не причинишь вреда моей семье. Ни сестрам. Ни матери. Я не стану уклоняться от этой пули, чтобы она угодила в кого-то из них.

Он колеблется, но, в конце концов, кивает.

– Даю тебе слово.

Не знаю, достаточно ли этого, но непохоже, что могу составить контракт и...

К слову о контрактах. *Черт.*

– А еще мне нужен брачный контракт.

– Нет.

Через два года мне исполнится двадцать пять, и я получу доступ к трастовому фонду, который для меня открыла бабушка. На нем немалая сумма – люди убивали и за меньшее. С другой стороны, на имя Эроса наверняка тоже открыт подобный фонд. Всем известно, что своим состоянием Афродита может соперничать даже с Посейдоном. Одно из преимуществ ее титула в том, что деньги числятся за *Афродитой*, а не за носительницей титула. Но последние три женщины, ставшие Афродитой, позаботились, чтобы их дети были обеспечены, и нет причин считать, что эта Афродита поступила как-то иначе.

– Почему нет?

– Потому что у нас бурный роман, а людям, которые настолько влюблены друг в друга, что готовы в любой момент броситься к алтарю, не хватит ума заранее составить брачный контракт.

Черт побори. Он прав.

– Ладно.

– Если все решено, идем. – Эрос встает из-за стола и протягивает мне руку. – Моя машина припаркована у черного хода.

Я осторожно беру его за руку и поднимаюсь из-за столика. Жду, что он отпустит меня, но он переплетает наши пальцы и ведет к темному прямоугольнику в конце зала. Когда мы

подходим ближе, тот превращается в выход. И только когда мы идем по тускло освещенному узкому коридору и проходим через грязную заднюю дверь, я осознаю, что это может быть ловушка.

Я упираюсь, но Эрос с легкостью тащит меня за собой. Он сильнее, чем кажется. Паника поднимает уродливую голову, и я пытаюсь совладать с дыханием.

– Эрос...

– Я дал слово, Психея. – Я вдыхаю морозный ночной воздух. Земля оказывается скользкой, но, похоже, его это совершенно не беспокоит. – Знаю, что для большинства людей оно ни черта не значит, но значит для меня.

Видимо, я не усвоила урок, потому что искренне верю ему. Хотя знаю, что он умеет правдоподобно лгать, но странного выражения, которое появилось на его лице, когда сказала, что верю ему, достаточно, чтобы убедить меня, что он говорит правду.

Я сделала выбор. Хотя это сложно назвать выбором, но буду его придерживаться. Но только когда сажусь на пассажирское сиденье его модной спортивной машины, окончательно понимаю, на что согласилась.

Я поднимаю взгляд на Эроса, который заводит двигатель.

– Мы никому не можем рассказывать правду.

– И кому бы я рассказал? – Он говорит так небрежно, будто очевидно, что у него нет близких людей, которым он захотел бы доверить правду о том, что происходит на самом деле. Знаю, у него нет братьев и сестер, но друзья наверняка есть? Я часто видела его с сестрами Касиос, но дружба среди элиты Олимпа – зачастую не что иное, как дипломатический союз.

Эрос выезжает на улицу.

– Ты не можешь говорить об этом своим сестрам.

– Все немного сложнее. Мои сестры не поверят, что у меня тайный бурный роман. Мы все друг другу рассказываем.

– Все? – Он подъезжает к перекрестку и смотрит на меня. Красный свет светофора играет на его скулах и челюсти, подчеркивая чувственный изгиб губ.

Боги, этот мужчина прекрасен. Я жду, что привыкну к этому, но каждый раз, когда смотрю на него, испытываю шок. Это пройдет. Должно пройти. Не могу представить, чтобы спустя продолжительное время, проведенное рядом с ним, он по-прежнему оказывал на меня такое сильное впечатление. В этом городе много красивых людей, в присутствии которых я не теряю голову. Пройдет неделя, и он окажется в их числе. Надеюсь.

Он что-то сказал?

Я беру себя в руки.

– Да, все. Они не поверят в тайные отношения.

– Тогда заставь их поверить, Психея. Если станет известно, что все это не по-настоящему, то расплачиваться придется нам обоим.

Осознав всю сложность ситуации, я откидываюсь на спинку неудобного сиденья. Ерзаю, но лучше не становится.

– Сколько?

– Что сколько?

– Сколько мы будем это делать?

– Столько, сколько потребуется.

Я сверлю его взглядом.

– Очень неопределенно.

– Ладно, – пожимает плечами он. – Пока моя мать не перестанет быть Афродитой.

Такой вариант кажется реальным, но все равно это может затянуться на долгое время. Один из Тринадцати может лишиться титула только тремя путями: в результате смерти, изгнания или отставки. Я могу пересчитать по пальцам одной руки, сколько из них за всю исто-

рию Олимпа выбирали последний вариант. Еще несколько были вынуждены уйти в отставку, потому что психическое или физическое здоровье не позволяло им больше выполнять свои обязанности. Шансы не в нашу пользу. Афродита не уйдет с поста по собственной воле, и ей всего пятьдесят. Если ничего не делать, она может править еще несколько десятилетий.

А я не могу столько времени прожить в фиктивном браке. Не могу. Я только начала мечтать о любви, семье и обо всем, что с этим связано. Если проведу двадцать лет в браке с Эросом, этим мечтам конец. Эта мысль отзывается такой тяжестью в груди, что становится трудно говорить.

– Ты не станешь убивать Афродиту.

– Она – чудовище, но все равно моя мать. – Он снова поворачивает и направляется на север. – Тебе я тоже не позволю подвергать ее опасности.

Это значительно ограничивает наши возможности. Я отворачиваюсь и смотрю в окно. Чем дальше мы уезжаем от Складского района, тем сильнее меняются выстроившиеся вдоль улицы здания. С окон исчезают решетки. Улицы выглядят более чистыми. Когда мы въезжаем в квартал, окружающий башню Додоны – средоточие власти Зевса, – витрины магазинов становятся однотипными: бездушными и безупречными.

Проехав несколько кварталов к северо-западу от башни, Эрос заезжает на подземную парковку. Я молчу, пока он паркуется и выключает двигатель. С минуту мы сидим, и кажется, пространство между нами наполняется тяжестью. Не могу смотреть на Эроса. Это слишком опасно и рискованно. Слова вырываются, пока не успеваю передумать.

– Знаешь, кажется, я уже нарушала правило, что не стоит посещать сомнительные места в компании того, кто желает мне зла.

Он бросает на меня странный взгляд.

– Ты всегда отпускаешь плохие шутки, когда нервничаешь?

– Нет. Никогда. Хотя, с другой стороны, мне еще никогда не угрожали смертью, так что все когда-нибудь случается впервые.

– Поговорим внутри.

Я выхожу вслед за ним из машины и осматриваюсь. Дом моей матери находится немного дальше от центра города, и хотя он красив, очевидно, что в нашем районе не настолько стремятся соответствовать представлениям о красоте, которые разделяют Тринадцать. Маме нравится быть ближе к Аграрному району, чтобы не пришлось долго ехать в случае возникновения проблем. Дом у нас, как и район, дорогой, но сдержанный.

А здесь никакой сдержанности. Даже крытая парковка кричит о богатстве: от вереницы безобразно дорогих машин до ярких огней, освещающих все пространство. Здесь даже есть охранник, сидящий в застекленной кабинке, – мужчина в неприметной черной форме. Я бросаю взгляд на Эроса.

– Неужели такая охрана действительно необходима?

– Смотря кого спросишь. – Эрос открывает стеклянные двери в фойе, в котором расположены лифты, и отходит в сторону, пропуская меня вперед. Он обнимает меня за талию, и я почти вздрагиваю. Мне требуется вся выдержка, чтобы не оттолкнуть его, а вместо этого расслабиться, будто ничего особенного не происходит.

Мы заходим в лифт, и, едва дождавшись, когда закроются двери, я пытаюсь отстраниться. Эрос прижимает меня крепче.

– Здесь камеры.

Точно. Стоило подумать об этом. Конечно, камеры в этом здании охватывают каждый сантиметр пространства. Я отвечаю сквозь стиснутые зубы в надежде, что со стороны это похоже на широкую улыбку.

– Мы же еще не начали.

– Мы начали в ту секунду, когда ты согласилась. Расслабься и перестань скрежетать зубами. – Он улыбается мне улыбкой лжеца. – Мы ведь влюблены.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ИДОЛ

Глава 7

Эрос

Прикасаюсь к Психее было ошибкой. Она такая мягкая, что у меня возникает почти непреодолимое желание провести ладонями по всему ее телу и... Черт, нужно взять себя в руки. Влечение поможет нашему замыслу, но терять контроль недопустимо.

Мать будет в ярости.

Радоваться нечему. У нее в руках почти одни козыри, а у меня их крайне мало, и существует вероятность, что мать забудет об осторожности и изгонит меня. При всем свойственном ей безрассудстве она поймет, что этот брак фиктивный. Впрочем, ей бы в любом случае было все равно. Для Афродиты не имеет значения, влюблен ли я в Психею или пытаюсь осуществить какой-то план. Ее волнуют только собственные цели.

Кого нам нужно убедить, так это Деметру. Мне требуется ее поддержка. Если она встанет на мою сторону (на нашу сторону), то сможет предоставить такую защиту, которая даже мне не по силам. Я лишь сын Афродиты. А Деметра – одна из Тринадцати и обладает большей властью и поддержкой, чем все остальные.

В конце концов, не случайно Афродита так сильно ее ненавидит.

Моя мать бросила бы меня на произвол судьбы, если бы решила, что это поможет ее долгосрочным планам. Деметра же грозила заморить голодом половину города, чтобы вернуть Персефону, и исполнила угрозу. Если бы не предусмотрительность Аида, могли погибнуть люди. Потому нам нужно убедить Деметру, что мы безнадежно влюблены, чтобы пробудить ее легендарный материнский инстинкт. Задача почти невыполнимая, но если кому она и по силам, то только нам с Психеей.

Лифт останавливается, и двери беззвучно разъезжаются в стороны. Весь этаж занимает мой пентхаус, поэтому холл небольшой и с единственной дверью. Я открываю ее, отпустив Психею.

– Добро пожаловать домой.

Ожидаю, что она продолжит волноваться и глупо шутить, но Психея поворачивается ко мне с радостной улыбкой.

– Спасибо, малыш. Я так счастлива.

Это ложь. Знаю, что ложь. Но это несколько не уменьшает силы моей реакции на ее слова. Я покачиваюсь на пятках и вынужден сжать кулаки, чтобы не потянуться к ней. Психея ненавидит меня, и я сам не знаю, как в целом к ней отношусь, но между нами достаточно химии, чтобы все усложнить. От моего внимания не укрылось, что ее взгляд то и дело устремляется к моему рту, будто она не может перестать смотреть на мои губы.

В ту ночь на вечеринке мне не показалось, что ее влечет ко мне.

Не удивлен: в конце концов, я же видел себя в зеркало. Моя внешность – такое же оружие, как и все остальное в моем арсенале. Видя красивое лицо, люди ждут чего-то другого, а значит, не ищут таящуюся за моей внешностью опасность. Если Психея из числа тех, кто считает меня привлекательным, тем лучше. Нам довольно долгое время предстоит тесно общаться.

Возможно, мне не следует ждать этого с таким нетерпением. И уж точно не стоит размышлять, как скоро смогу снова к ней прикоснуться. Я должен быть выше этого. Чтобы наш план сработал, мы не можем позволить себе отвлекаться.

Психея заходит в мой дом и присвистывает.

– Да ты полностью погрузился в образ миллионера-плейбоя, когда выбирал интерьер, да? Какая безвкусица.

Облако страсти, окутавшее мою голову, слегка рассеивается. Я пытаюсь увидеть свой дом глазами Психеи. Да, здесь полно дорогих вещей, но держу пари, в доме ее матери их не меньше.

– А что не так?

Изогнув губы, она обводит рукой пространство.

– Насколько надо быть самовлюбленным, чтобы иметь шестигранное фойе с зеркалами на каждой стене?

– Они не на каждой стене. Только на четырех. – На двух остальных расположены двери: к лифтам и ведущая в остальную часть пентхауса. Меня обдает жаром, но виной тому не желание. – Моя мать убеждена в важности первого впечатления.

– Скорее твоя мать любит быть в центре внимания, даже если оказывается в комнате одна. – Она произносит это со странным выражением лица. Не успеваю придумать ответ, как Психея подходит к ближайшему зеркалу. Оно массивное, в стильной металлической раме, от пола до потолка, а шириной почти закрывает всю стену. – Эрос, это же нелепо. – Она проводит пальцами по раме, имитирующей пучки перьев. – Шикарная работа, но совершенно нелепая.

– Ты необъективна. – Мои слова звучат как оправдание, но я ничего не могу с собой поделать. Как не могу перестать наблюдать, как Психея вместе с многочисленными отражениями движется по холлу и останавливается перед каждым зеркалом, чтобы рассмотреть рамы. Перья, кинжалы, колющие сердца и связки стрел.

Она касается пальцем кончика стрелы.

– Острый.

– Как и сказал, мать любит производить впечатление.

Психея качает головой.

– Ладно, проведи мне экскурсию. Мне нужно узнать, какие еще чудовища здесь прячутся, прежде чем мы продолжим.

Знаю, что, шутя, она пытается справиться с непредвиденными обстоятельствами, которые ей преподнесла сегодняшняя ночь, но меня это раздражает.

– Ты же понимаешь, что я не обязан на тебе жениться?

– А мне кажется, что обязан. Ты не из тех, кто станет делать что-то без веской на то причины, и дело вовсе не в том, что однажды на вечеринке я в течение пятнадцати минут

относилась к тебе хорошо. Ты не обязан мне рассказывать, но давай перестанем делать вид, будто это односторонне выгодная сделка, ладно?

В этом и проблема: не уверен, что у меня в самом деле есть серьезные причины связываться в это. Возможно, Психея не осознает, насколько важным был тот случай на вечеринке, потому что привыкла жить, постоянно совершая небольшие добрые дела. Но мне чужд ее мир. Если скажу об этом, она рассмеется мне в лицо, и я не могу ее за это винить. Какое же я чудовище, если не решаюсь сломать одну розу? Мне неприятна мысль, что в мире не будет ее яркого присутствия. Если хочу сохранить ей жизнь, сохранить ее невредимой, это единственный доступный вариант.

Будь я хорошим человеком, помог бы ей найти способ сбежать из Олимпа. В изгнании тяжело, но она умная женщина и вскоре получит доступ к внушительному трастовому фонду. Она будет скучать по семье, но встанет на ноги. Моей матери плевать на все, что происходит за пределами города, ведь попасть в Олимп и выбраться из него чертовски сложно, а значит, это самый надежный план.

Но тогда Психея и для меня окажется недоступна.

А я хочу ее. Хочу с безумной силой, не могу этого отрицать. И намерен ее заполучить.

Я следую за Психеей, пока она ходит по моему дому, отпуская милые пренебрежительные замечания по поводу массивной черной плитки, которой покрыты полы, плотных темно-красных штор, закрывающих окна высотой от пола до потолка, и зеркал, развешанных в каждой комнате. Она заглядывает в холодильник, а потом бросает на меня удивленный взгляд.

– У тебя есть шеф-повар. Интересно. Я думала, ты такой параноик, что не впускаешь сюда людей.

Опершись бедром о кухонную стойку, я скрещиваю руки на груди.

– Почему ты так считаешь?

– У тебя полный холодильник. Если бы ты все время ел вне дома, то он был бы пуст или заставлен контейнерами на вынос. Все овощи свежие, а значит, их используют.

Прекрасные выводы, но они не объясняют, почему она вдруг заговорила о шеф-поваре.

– И?

Психее удастся посмотреть на меня свысока, хотя она и ниже меня на добрых пятнадцать сантиметров.

– Да брось, Эрос. Такой избалованный человек, как ты, не станет готовить себе сам.

– Кто-то опять строит догадки.

Она хмуро смотрит на меня, и даже ее хмурый взгляд кажется милым.

– Только не говори, что ты готовишь.

– Готовлю. Это у меня тоже хорошо получается. – Она не прекращает хмуро смотреть на меня, и я продолжаю: – Ты права, мне не нравится, когда в моем доме посторонние, и готовка – один из способов снять напряжение.

На смену ее хмурому взгляду приходит живое любопытство.

– А другие способы?

– Я тренируюсь. – Внимательно наблюдаю за ее лицом. – И трахаюсь.

Она становится красной как помидор, что выглядит очаровательно. Такой же взволнованной она казалась, когда думала, что умрет. Ее реакция подтверждает мои подозрения: ее влечет ко мне так же, как и меня к ней.

– Ничего не выйдет.

Я моргаю.

– До этого момента прекрасно выходило.

– Не сомневаюсь. – Она быстро приходит в себя. – Секс – отличное средство борьбы со стрессом.

Я отталкиваюсь от стойки и иду к ней. Медленно. Даю ей достаточно времени увидеть, что подхожу, и решить, что с этим делать.

– А ты трахаешься, Психея?

– Это не твоё дело. – Её голос становится немного хриплым, когда я останавливаюсь перед ней и упираюсь ладонями в столешницу по бокам от её широких бедер. – Что ты делаешь?

– Упражняюсь. – Я чертов лжец, но почему бы нет. – Ты не можешь подсказывать каждый раз, когда я оказываюсь рядом. Никто не поверит, что мы трахаемся как кролики, если будешь так делать. – Каждый раз, когда произношу слово «трахаться», она слегка вздрагивает. Так не пойдет. Это никуда не годится.

Она с опаской тянется ко мне, будто ждет, что я укушу, и осторожно опускает ладони мне на грудь.

– Вот. Теперь мы можем продолжить разговор?

Какой разговор? Я и двух мыслей не могу связать, когда Психея ко мне прикасается, а она лишь прижала ладони к моей груди, будто готовится оттолкнуть меня. Я веду героическую борьбу со своим телом, чтобы оно не реагировало так, будто я возбужденный подросток, к которому впервые прикасаются. Никогда не был таким неуклюжим, даже в шестнадцать. У нас проблемы.

Поцелуй её.

Соблазни.

Тогда и выбросишь все это из головы.

Не обращаю внимания на шепот искушения и стараюсь сосредоточиться.

– О чем?

– Ты ни с кем не можешь заниматься сексом. – Она слегка шевелит пальцами. – Я не признаю полиаморные отношения, и все в моей семье об этом знают. А еще уверена, что скорее прикончу своего партнера, чем останусь с ним, если он мне изменит. Пока мы женаты, ты ни с кем не можешь быть.

Честно говоря, такого я не планировал. Секс для меня – возможность выпустить пар и успокоиться. Я получаю удовольствие. Мои партнеры тоже. И каждый из нас в результате доволен. Возможно, я рассуждаю как потребитель, но я в самом деле не подарок, и в Олимпе об этом известно. Всем, с кем пытаюсь встречаться, приходится иметь дело с моей мамой из Тартара, не говоря уже о моей репутации её подручного. Я парень, с которым трахаются, парень, с которым можно пуститься во все тяжкие, а потом выбрать более безопасный вариант и остепениться. Так все и происходит, и мне всегда было этого достаточно.

Но это не означает, что я готов открыть Психее эту правду. Тем более пока мы ведем переговоры.

– Психея. – Мне нравится, как ощущается её имя на языке. И подозреваю, что еще больше мне понравится ощущать её саму. – У меня есть потребности.

– Тогда предлагаю тебе познакомиться со своей рукой. – Мне слишком нравятся её упрямо нахмуренные брови. – Или, если хочешь, могу купить тебе одну из игрушек, которые имитируют предпочитаемое тобой отверстие.

От удивления издаю смешок.

– А ты будешь довольствоваться своей рукой или маленькой шумной игрушкой?

– У меня бывали периоды затишья в личной жизни. В последние месяцы эти периоды были скорее правилом, чем исключением. – Она пожимает плечами, будто это факт из жизни, а не чертова трагедия.

Я подвигаю руки ближе к ней, прижимаясь предплечьями к её бедрам. Она слегка вздрагивает, и я вскидываю брови.

– Самый верный способ, чтобы ты свыклась с мыслью, что я к тебе прикасаюсь, – это экспозиционная терапия¹. Секс ускорит этот процесс.

Психея смотрит на меня.

– Извини, видимо, я ослышалась. Мне показалось, ты только что предложил секс в качестве экспозиционной терапии.

– Предложил.

– Ты в самом деле такого высокого мнения о себе?

Не могу понять, язвит она или нет, поэтому игнорирую вопрос.

– Ты мне нравишься. Да и сама не считаешь меня противным.

– Ого, ты правда высокого о себе мнения.

– Я констатирую факты. Секс – самый простой способ скорее воплотить наш план. – Самый простой способ получить то, чего я хочу.

Возможно, это будет лишь очередной сексуальный контакт. Желание, секс, а на следующее утро – пустота. Нам никогда не придется делать это снова, мы можем делить одно пространство, не создавая друг для друга неудобств. Она слишком хорошо играет в эту игру, а у меня никогда не было проблем с контролем.

До сих пор.

– Нет. Исключено. Не знаю, что ты видишь, когда смотришь на меня, раз решил, что я буду рада заняться сексом с человеком, который час назад собирался меня убить, но мои стандарты гораздо выше. – Она едва ощутимо толкает меня в грудь. – Отойди от меня, Эрос. Сейчас же.

Я выполняю ее просьбу, позволяя оттолкнуть себя на несколько шагов назад. Хочу, чтобы она оказалась в моей постели, но добровольно.

– Мы не сможем выйти из этой квартиры, пока ты не перестанешь вздрагивать, когда я к тебе прикасаюсь.

– К утру все будет хорошо. – Она демонстративно озирается по сторонам. – У тебя есть гостевая спальня?

– Психея. – Я жду, когда она посмотрит на меня. У меня есть гостевая спальня, и она вполне отвечает ее потребностям. Но хочу, чтобы Психея была в моей постели, и готов вести нечестную игру, лишь бы затащить ее туда, даже если мы будем просто спать рядом. – Я не шутил насчет экспозиционной терапии. Если не секс, то нам придется хотя бы спать рядом.

– Нет.

– Это не обсуждается.

– Многие пары спят в разных комнатах. Моя мать и ее второй муж никогда не спали вместе.

Я вскидываю брови.

– То, что вы с Персефоной появились на свет, говорит об обратном.

Она чертовски милая, когда краснеет.

– Сделаю вид, что ты этого не говорил. Прекрати попытки меня отвлечь.

– Брак по любви, – медленно проговариваю я. – Если мы рехнулись настолько, что поспешили с браком, будет странно, если ты станешь вздрагивать каждый раз, когда я подхожу к тебе на расстояние вытянутой руки.

– Я поработаю над этим. Нам не нужно спать в одной кровати, чтобы наш план сработал. Меня утомил этот спор.

– Не хочешь в этом участвовать? – Указываю себе за спину. – Дверь там. Я не причиню тебе вреда, но моя мать пошлет кого-то другого. Если хочешь проверить, каковы твои шансы

¹ Техника в поведенческой психотерапии, применяемая для лечения тревожных расстройств. Суть техники заключается в экспозиции пациента к источнику тревоги или ее контексту в отсутствие прямой опасности. (Прим. пер.)

пережить эту неделю, то пожалуйста. – Я блефую. Не могу позволить ей уйти. Ведь нас обоих ждут серьезные последствия.

Она смотрит на меня, будто ненавидя, но я потерплю, потому что она идет в коридор, ведущий в глубь дома.

– Давай закончим экскурсию по этому чудовищному пентхаусу.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ИДОЛ

Глава 8 Психея

Осмотрев остальную часть пентхауса (каждая комната в котором дороже и изящнее предыдущей), я наконец сумела освободиться от Эроса и спрятаться в главной ванной. Она такая же нелепая, как и все остальное в этом доме, с выложенной плиткой душевой кабиной, в которой могли бы поместиться шесть человек, и дюжиной душевых насадок, продуманно расположенных в различных местах. Плитка симпатичная, хотя никогда не скажу этого вслух. Она похожа на розовый кварц, который матово сияет на фоне напольной плитки цвета серого сланца. Обе раковины блестящие, черные, глубокие и оснащены датчиками движения. Естественно.

А еще зеркала.

Боги, как же здесь много зеркал.

Быть может, в мамином доме зеркал тоже больше, чем нужно, но здесь их слишком много. Все огромные и в вычурных рамах. Возможно, они не производили бы такое ошеломляющее впечатление, если бы тут был еще какой-то декор. Но нет. Только зеркала и минималистичная мебель, отчего у меня возникает чувство, будто я забрела в странную художественную галерею. Дорого и красиво, но бездушно.

Не сомневаюсь, это что-то говорит об Эросе, но слишком устала, чтобы связывать факты воедино.

Стараясь чем-то себя занять, чищу зубы зубной щеткой, которую он нашел для меня, и смотрю на свое отражение в главном зеркале ванной комнаты. Оно горизонтальное и тянется вдоль всей столешницы, простая рама из черного металла сверкает на фоне плитки. Я вздыхаю. Эта ночь перевернула мои планы с ног на голову, но ничего не поделаешь. Я знаю, когда настает время противостоять ударам судьбы, пусть этот удар закончился нокаутом. В конце концов из этой ситуации найдется выход, но сейчас единственный вариант – выйти замуж за Эроса.

Выйти замуж за Эроса.

Я бы рассмеялась, если бы у меня хватило духу. Знала, что он привлекателен. У меня есть глаза. *Разумеется*, он привлекателен. Но, даже понимая это, оказалась не готова столкнуться с силой, которую излучает его личность, когда он устремляет все свое внимание на меня. Он не источает тепло (не думаю, что он вообще способен), но сексуальность, которая от него исходит, может растопить мой разум, оставив только низменные потребности.

Я подскакиваю всякий раз, когда он прикасается ко мне, не потому, что мне неприятен контакт. Наоборот. Каждый раз, когда он касается меня или обнимает, чувствую, будто в меня ударила молния.

Он хочет заняться сексом.

Хочет, чтобы мы *спали вместе*.

Знание себя подразумевает, что я осознаю как все свои слабости, так и сильные стороны. Я умна, сообразительна и прекрасно умею создавать публичный образ. А еще одинока, измотана и не способна разделять секс и чувства. Я узнала об этом со своим первым парнем и приняла этот урок близко к сердцу. Возможно, кому-то подходят случайные связи, но не мне. Я ищу глубоких отношений. В результате мне приходится тщательно проверять всех, кто меня заинтересовал, поэтому моя личная жизнь в последний год была скудной. Если я не уверена, что человек в самом деле увлечен мной, а не пытается втереться в доверие к моей матери или как-то еще использовать меня, то не могу просто переспать с ним, заглушив голос разума.

Мне понадобится вся логика, дальновидность и хитрость, на которые я способна, чтобы пережить брак с Эросом. Я не могу совершить ошибку, которая ослабит мою бдительность.

И неважно, как сильно он меня привлекает.

Я закрываю глаза и выпрямляю спину. Ладно, решение принято. Теперь нужно его придержать. Я могу это сделать. С рождения имею дело с сильными личностями, как членами моей семьи, так и теми, кого встречала, живя в Олимпе. Справлюсь с Эросом, как справлялась с остальными. Нужно только найти рычаг давления на него, чтобы заставить делать то, что хочу.

Хотя бы немного сместить центр силы нашего партнерства в мою сторону.

С этой мыслью я иду к двери, открываю ее... И вижу, что Эрос растянулся на кровати в одних домашних штанах. Я замираю. Он был красив в смокинге и выглядел бесподобно в дорогом сером костюме. Невозможно превзойти совершенство. Это нелогично, но в пижамных штанах, босиком Эрос выглядит так, что у меня замирает сердце.

Я смотрю на его ступни. Они красивые, как мне кажется. Не скажу, что я из числа тех, у кого есть твердое мнение о ступнях, но его небрежная уязвимость символизирует близость, и в моей голове раздается сигнал тревоги.

– Что ты делаешь?

– Уже поздно. Я устал. – Он хлопает по кровати рядом с собой, и напрягшиеся мышцы его руки привлекают мое внимание к тому, какая у него красивая грудь, а потом мой взгляд устремляется...

Я беру себя в руки.

– Нам нужно поговорить.

– Поговорим утром. Сегодня мне больше нечего сказать. – Я не вижу его голубых глаз, но по его поджатым губам понимаю, что мне не одержать победу в этой битве.

Эрос снова хлопает по кровати, теперь будто приказывая.

– Иди сюда, Психея.

Мне предстоит довольно долго спать рядом с ним. Полагаю, логично начать сегодня ночью.

– Обычно я сплю голая. – Боги, зачем сказала это вслух?

– Я тоже. Однако ты временно сняла вопрос секса с рассмотрения, поэтому думаю, будет благоразумно оставить на себе немного одежды.

Благоразумно. Подавив истерический смешок, иду к кровати. Знаю, что это воображение, но чем ближе подхожу к нему, тем сильнее густеет воздух вокруг меня. Притягивает Эрос меня или отталкивает, пока неясно. Я неохотно расстегиваю джинсы. Пусть слишком устала, чтобы спорить с ним, но один момент не могу оставить без внимания.

– Поправка: я навсегда сняла вопрос секса с рассмотрения.

– Он еще открыт для обсуждения.

– Вовсе нет. – Это невозможно.

Я выскальзываю из джинсов, болезненно осознавая, с каким напряжением Эрос наблюдает за мной. Впервые обнажаться перед кем-то неловко, в эти моменты я чувствую себя такой уязвимой, что становится тошно. Даже учитывая, что доверяю человеку достаточно, чтобы заняться с ним сексом. Я беру себя в руки и смотрю Эросу в лицо, не зная, чего ожидать. Видела, какими людьми окружает себя Эрос. Все они – воплощение физического совершенства, каким его представляет Олимп.

Худые тела. Безупречная кожа. Идеал красоты.

Едва ли я такая. Мне постоянно напоминают об этом. Общественные ожидания сталкиваются с моей реальностью.

Я люблю свое тело. С невероятным упорством боролась, чтобы полюбить его, пусть даже порой это больше походило на неосуществимый замысел, чем на правду. Я по-прежнему болезненно осознаю критику.

После недолгого спора с собой снимаю свитер и остаюсь в майке и трусиках. Спать в лифчике я не стану, а потому с трудом освобождаюсь от него, не снимая майки.

В конце концов поднимаю взгляд на Эроса.

Он смотрит на меня так, будто хочет поглотить, смакуя каждый кусочек. Все мышцы в его теле напряжены, а под тканью пижамных штанов безошибочно выступает возбужденное достоинство. Вожделение. Чистое вожделение, и оно настолько сильно, что заполняет все пространство между нами.

Нельзя позволить ему снова ко мне прикоснуться.

Я прокашливаюсь.

– Подвинься.

– Здесь огромный матрас. Места предостаточно. – Он говорит спокойным тоном, и единственным признаком, что он взбудоражен, служит более глубокий тембр. – Прекращай спорить и ложись в кровать, Психея.

Хуже, чем лечь под эти одеяла, – стоять здесь и позволять Эросу пожирать меня взглядом, поэтому я подчиняюсь. Я предполагаю, что он будет спать поверх одеял, создавая иллюзию, будто мы спим отдельно, но он встает и, откинув одеяла, ложится рядом со мной.

Плохая идея. Поправка: это настолько ужасная идея, что слово «плохая» не описывает ее даже отдаленно.

Завтра...

Я вскакиваю и сажусь.

– Мне нужно сделать пару звонков. – Что угодно, лишь бы отсрочить момент, когда придется выключить свет.

Он движется неожиданно быстро и, обхватив меня за талию, прижимает к груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.